

Екатерина Мишаненкова

Блудливое Средневековье

Бытовые очерки западноевропейской культуры

История и наука Рунета

Екатерина Мишаненкова

**Блудливое Средневековье.
Бытовые очерки
западноевропейской культуры**

«Издательство АСТ»

2020

УДК 392»04/14»
ББК 63.5

Мишаненкова Е. А.

Блудливое Средневековье. Бытовые очерки западноевропейской культуры / Е. А. Мишаненкова — «Издательство АСТ», 2020 — (История и наука Рунета)

ISBN 978-5-17-120009-1

Добро пожаловать в Средневековье – жестокую и веселую эпоху, когда люди с одинаковым рвением молились и убивали, пировали и постились, грешили и калялись. Время фанатиков, умиравших за веру Христову в Крестовых походах, и лицемеров, именовавших бобров рыбой, чтобы их можно было есть в постные дни. В этой книге автор расскажет о том, как в Средние века влюблялись и распутничали, мылись и предохранялись, крыли друг друга трехэтажным матом и рисовали половые органы на стенах церквей. А еще читатели узнают о том, в каком возрасте выходили замуж, как жили без ванны, что означал супружеский долг, выяснят, почему «проститутка» лучше «шлюхи», и даже разберутся, из-за чего развалилось обвинение в ведьмовстве против Жанны д'Арк. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 392»04/14»
ББК 63.5

ISBN 978-5-17-120009-1

© Мишаненкова Е. А., 2020
© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Вступление	7
Что же такое Средневековье?	8
Три периода Средневековья	9
О чем пойдет речь	10
Верить или не верить?	11
Половое воспитание	12
Немного о мифах	13
Древо с фаллосами	14
Все дело в чепчике	15
Повсюду фаллосы	16
Религиозный эксгибиционизм	17
Литературные откровения	19
Средневековый фарс	20
Феминистическая «Лохань»	25
Нетипичный «Бедный Жуан»	26
Фаблио «О женских косах»	30
Рыцарская литература	31
Средневековый «Мюнхгаузен» и его сексуальные фантазии	32
Возраст любви	34
В 30 лет – уже старуха?	34
Чумная статистика	36
Хитрые цифры	37
Земную жизнь пройдя до половины...	38
Средневековый старик	39
Из книги Миллы Коскинен «О прекрасных дамах и благородных рыцарях»	40
Когда стареет женщина?	42
Старуха по закону	44
Путь к зрелости	45
Способность любить	46
Ложка дегтя	47
Пора замуж	48
Возраст Джульетты	49
Брачная статистика времен Шекспира	50
Женщины для короля	51
Жены Генриха VIII	52
Возвращаемся к средневековой статистике	53
Правила, рекомендации и практика	54
Мнение церкви	55
Бессмертный Ю. Л	56
Брак без секса	57
Судьба крестьянок	58
«Город в средневековой цивилизации Западной Европы	59
Немного выводов	60
Дети	61
Подростки	62

Зачем нужно жениться	63
Зачем нужно жениться? Мнение первое – церковное	64
Мнение второе – практическое	65
Была ли любовь?	66
Теория и практика любви	67
Голова и сердце	68
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Екатерина Мишаненкова
Блудливое Средневековье
Бытовые очерки
западноевропейской культуры

Серия «История и наука Рунета»

В настоящем издании в качестве иллюстрированных цитат к текстовому материалу используются фоторепродукции произведений искусства, находящихся в общественном достоянии.

© Екатерина Мишаненкова, текст, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

Памяти моей подруги Юлии, не меньше меня любившей это жестокое и распутное, но такое красочное Средневековье.

Спасибо за помощь и поддержку общественной организации «Доблесть веков» и моей коллеге-медиевисту Милле Коскинен.

Вступление

Что для вас Средневековье? Благородные рыцари, прекрасные принцессы, трубадуры и пышные наряды с длинными шлейфами? Или, наоборот – нищета, чума, блохи, горящие на кострах ведьмы, всеобщая темнота и невежество? А может быть, Средневековье – это тишина монастырей, рукописные книги и готические соборы? Или рыцарские ордена, алые кресты на плащах, пески Святой земли, кровавые битвы между крестоносцами и мусульманами?

Ближе всего к истине вы будете, если ответите: все это, вместе взятое.

Добро пожаловать в Средневековье – жестокую и веселую эпоху, когда люди с одинаковым рвением молились и убивали, пировали и постились, грешили и каялись. Время фанатиков, умиравших за веру Христову в Крестовых походах, и лицемеров, именовавших бобров рыбой, чтобы их можно было есть в постные дни.

Но фанатиков и лицемеров оставим для другого раза, а в этой книге я расскажу о том, как в Средние века влюблялись и распутничали, мылись и предохранялись, крыли друг друга трехэтажным матом и рисовали половые органы на стенах церквей. А еще мы поговорим о том, в каком возрасте выходили замуж, как жили без ванны, что означал супружеский долг, выясним, почему «проститутка» лучше «шлюхи», и даже разберемся, из-за чего развалилось обвинение в ведьмовстве против Жанны д'Арк.

Что же такое Средневековье?

Для начала надо определиться, что подразумевается под Средневековьем и о каком периоде пойдет речь.

По традиционной периодизации Средними веками считается период, который начинается с падения Западной Римской империи в 476 году и продолжается до конца XV – начала XVI века. Разные исторические школы называют разные даты – кто-то считает, что Средневековье закончилось с открытием Америки, кто-то – что с началом Реформации, а кто-то и вовсе «растягивает» его до XVII века.

Для этой книги такие тонкости не принципиальны, поэтому я не буду в них углубляться и приму за условную границу начало XVI века.

Что касается стран, то речь пойдет, конечно, о Европе. Во-первых, потому что нет смысла пытаться объять необъятное, во-вторых, потому что Средневековье в азиатских странах хронологически мало совпадает с европейским, а в-третьих, потому что европейское Средневековье – это не просто отрезок времени. Это еще и набор специфических особенностей религиозной, экономической, культурной и политической жизни. Это феодализм, система вассалитета, христианское мировоззрение, политическая власть церкви, рыцарство, готика и т. д.

В силу этих специфических особенностей речь в основном пойдет о Западной Европе, потому что именно там они сформировались и проявились особенно ярко. Англия, Франция, Италия, Германия, а также исчезнувшие сейчас Бургундия и Фландрия – в них европейское Средневековье расцвело во всей красе, достигло пика и завершилось Ренессансом.

Три периода Средневековья

Итак, 476 – около 1500 года. Больше тысячи лет. Невероятно огромный срок. За эту тысячу лет на карте Европы появлялись и исчезали государства, взлетали и угасали династии, бушевали войны, восстания и эпидемии. Ни одна империя не смогла просуществовать столько времени, разве что только Византия, но она не в счет, потому что всегда существовала сама по себе, далеко на востоке, и ее история развивалась параллельно с европейским Средневековьем.

И естественно, средневековое общество, даже с учетом всех его специфических особенностей, характерных только для этого периода, все десять веков менялось и развивалось. Поэтому Средневековье принято условно делить на три части:

1) Раннее Средневековье (476 год – середина XI века) – от падения Западной Римской империи до конца «эпохи викингов». В это время еще сильно наследие античности, Европа очень малонаселенна и раздроблена. Это время варварских королевств и набегов викингов, но христианство постепенно набирает силу, складывается феодальная система, и только-только начинает зарождаться идеология рыцарства.

2) Высокое Средневековье (середина XI–XIII век). Это то Средневековье, к которому мы привыкли. Феодализм, власть церкви, рыцари. Население быстро растет, людям не хватает места, денег и еды, поэтому Европа активно воюет, учится и торгует – рыцари стремятся на Восток, в Крестовые походы, Марко Поло едет в Китай, купцы создают Ганзейский союз и торгуют с Русью. За XII–XIII века было сделано больше открытий, чем за предыдущую тысячу лет (в том числе появились компас, очки, бумага и т. д.).

3) Позднее Средневековье (XIV – начало XVI века). Одновременно пик, вершина Средневековья и в то же время его кризис. В это время все достигает своего абсолюта – рыцари с ног до головы заковываются в броню и сшибают друг друга с коней на турнирах, короли и герцоги играют в рыцарей Круглого стола, дамские головные уборы стремятся вверх, как и шпили готических церквей, модники и модницы носят обувь с длинными носами и многометровые шлейфы. На кризис Средневековья повлияло увеличение населения: людей стало больше, чем их позволял прокормить существующий на тот момент уровень знаний. Позднее Средневековье началось с Великого голода, продолжилось эпидемиями чумы, крестьянскими войнами, гражданскими войнами, Столетней войной и наконец рухнуло, уступив место набирающему силу Ренессансу, Реформации и Новому времени.

О чем пойдет речь

Моя книга посвящена Высокому и Позднему Средневековью – это и есть то Средневековье, к которому все привыкли по романам, фильмам и сериалам. Раннее Средневековье я охватываю лишь немного, уж очень оно специфично: христианская церковь почти не имела власти, браки заключались без священников, сохранялось оставшееся от античности рабство. Словом, гремучая смесь античности и варварства: вместо городов пока еще большие деревни, нет ни единой идеологии, ни единой культуры – увлекательный период, но совсем не похожий на Высокое и Позднее Средневековье.

Я захвачу эпоху Возрождения в том, что касается секса, гигиены, отношения к телу и бытовых традиций, Позднее Средневековье и Возрождение настолько слиты воедино, что их лучше не пытаться разделить. Довольно большая часть литературы Ренессанса – это «осовремененный» пересказ популярных средневековых сюжетов. Когда изобрели книгопечатание и книги стали доступны широким слоям населения, появился большой спрос на литературу, причем развлекательную. После успеха «Декамерона» все кинулись писать сборники фривольных новелл, но откуда было взять для них материал? Разумеется, из народных баллад, фарсов, песен, фаблю и прочего творчества, чаще всего уходящего корнями в далекое прошлое и не имеющее конкретного автора. Для историй поблагороднее пересказывали сюжеты из рыцарских романов. То есть пользовались наследием прошлых веков с размахом. Поэтому массовая культура (на которой воспитывались широкие слои населения) что Возрождения, что Средневековья была примерно одинаковой – не по литературным качествам, конечно, но по духу и, так сказать, по культурному коду.

То же самое можно сказать и о нехудожественной литературе. В эпоху Ренессанса и раннее Новое время приобрели большую популярность книги о воспитании, манерах, сборники рецептов и советов, наставления для детей, молодежи и женщин. И возникли они не на пустом месте – по большей части это была компиляция трудов, написанных еще в XV, а иногда и XIV веке, дополненные современными авторам знаниями. Иногда источники известны, благо считалось хорошим тоном уточнять, бесценный опыт какого уважаемого человека взят за основу. Иногда авторы без стеснения компилировали кучу чужих трудов, не утруждая себя объяснениями, что откуда взято – авторского права не существовало. Современные специалисты любят анализировать такие работы и отыскивать первоисточники – иногда получается любопытная картина, по которой мы можем судить о широкой образованности средневековых писателей и о том, что они работали с многочисленными источниками.

Верить или не верить?

Исторические данные не существуют сами по себе, в вакууме, и не являются абсолютной истиной, о которой можно с легкостью прочесть в интернете. Они извлекаются из археологии, сохранившихся документов, объектов материальной культуры и т. д., потом систематизируются, сравниваются и обрабатываются. То, что еще вчера казалось непреложным, сегодня может подвергаться сомнению. Обо всем, что пишется на исторические темы, от сенсационной статьи в интернете до многотомной работы серьезного историка, можно сказать так: доверяй, но проверяй.

Все, что можно, я стараюсь проверять на практике. Меч я держала, еду по средневековым кулинарным книгам готовила, средневековую одежду надевала и снимала, и доспехи, кстати, тоже. На один вопрос отвечаю сразу, чтобы к нему не возвращаться – нет, сексом в доспехах заниматься нельзя, что бы ни писали в любовных романах и ни показывали бы в кино. Доспехи – это такой металлический 3D-пазл, детали которого для подвижности соединены кожаными ремешками. Мужчина в таком одеянии, даже просто обняв прекрасную деву, может случайно защемить ей какую-нибудь важную часть тела и совершенно не заметить этого. Но и без объятий, при самом минимальном контакте секс все равно не очень реален – если, конечно, прекрасная дева не может сесть на шпагат, как балерина. Ведь на рыцаре еще латные ноги и металлическая юбка, прикрывающая от врага особо ценную для мужчины часть тела, причем все это с довольно острыми краями. Нет, если очень постараться, наверное, можно – как в анекдоте про ежиков – очень осторожно. Но в истории, нарисованные буйным воображением писателей, о том, как рыцарь ворвался в замок и тут же изнасиловал хозяйку, особо верить не стоит – вряд ли она бы это пережила. Чисто физически.

Для всего остального средневековая одежда очень удобна. И даже латы не мешают. Видела я, как в латах бегали, прыгали, садились на шпагат, залезали на лошадь и слезали с нее.

Еще один популярный вопрос – насчет туалета. Очень уж любят говорить о том, что в туалет ходили прямо в доспех. Как я уже говорила, латы, как и вся средневековая одежда, состоят из деталей, скрепленных между собой ремешками. Если вам нужно в туалет – снимаете латные рукавицы, отстегиваете латную юбку, развязываете шнурок на брэ (средневековый аналог трусов), и вперед. Это занимает минуты две, делается самостоятельно, без помощи оруженосцев. Вопрос: вы бы потерпели две минуты или предпочли ходить в ржавом железе поверх мокрых трусов?

Надеюсь, вы уже достаточно прониклись духом Средневековья, поэтому я заканчиваю с предисловием и начинаю...

Половое воспитание

Да, начинаю с того, что именно средневековые люди знали о сексе, откуда они это узнавали и как к нему относились.

Когда я разговаривала на эту тему с некоторыми своими знакомыми, они нарисовали мне довольно мрачную картину. Девочки воспитывались в строгих монастырях, откуда выпускались в 12–13 лет и тут же выдавались замуж, ничего не зная об интимных отношениях, поэтому получали психологическую травму на всю жизнь. Потом они превращались в «рожальную машину» и рожали каждый год, пока не умрут. Мужчины о сексе знали немногим больше женщин, да и зачем, когда женщина все равно не могла отказать в исполнении супружеского долга. Половой акт совершался в полной темноте, в одежде, а то и в специальных ночных рубашках с вырезом на месте гениталий – потому что получать удовольствие от секса было грехом, и требовалось просто как можно быстрее оплодотворить женщину. Ну и так далее – дальше я даже не стану вспоминать, да и зачем? Все равно в сказанном нет ни слова правды.

Немного о мифах

Беда в том, что кино и литература создают очень яркие и убедительные мифы. Благодаря фильмам и романам даже люди, хорошо знающие историю, нередко оказываются жертвами ложных теорий и откровенных выдумок. А среднестатистические зрители и читатели, не увлекающиеся исторической наукой, часто и вовсе начинают путаться в странах и эпохах. Или еще хуже – воспринимают все прошлое, начиная с конца античности (ее почему-то отличают) до XIX века как некое единое целое. Хотя даже Средневековье было совершенно неоднородным, и то, что применимо к эпохе викингов, совершенно не годится для эпохи рыцарства.

Откуда появились, например, перечисленные выше стереотипы?

Девочки воспитывались в монастырях и выпускались из них прямо перед замужеством в основном в XVIII–XIX веках. Именно в этот период начались «пляски с бубном» вокруг невинности, а идеальным для добродетельных девушек стало считаться воспитание в полном неведении реального мира и его соблазнов.

Замужество в 13 лет всех так потрясло в «Ромео и Джульетте», что никто даже не удосуживается узнать, каким на самом деле был средний брачный возраст в Средние века, хотя документов на этот счет сохранилось достаточно. Не говоря уж о том, что Шекспир жил и творил в XVI веке, поэтому Джульетта жила вовсе не в Средневековье, а во времена Возрождения.

Рубашки для занятий сексом придумали фанатичные протестанты в Новое время.

Так что все перечисленные стереотипы не имеют к Средневековью отношения – ханжество расцвело гораздо позднее, а люди в Средневековье любили и поболтать о сексе, и заняться им.

Посудите сами – трудно же было не знать ничего об интимных вопросах во времена, когда посреди города, прямо возле церкви могла быть нарисована огромная (5 на 6 метров) фреска с изображением дерева, усаженного двадцатью с лишним пенисами.

Древо с фаллосами

Это не шутка – такое дерево действительно изображено на стене возле общественного фонтана в тосканском городке Масса-Мариттима. Рядом с фонтаном находится часовня, но такое соседство никого, видимо, не смущало – ни горожан, ни церковь.

Появилось это изображение после 1265 года, на картине изображены политические символы: черный орел, символ Священной Римской империи и проимператорской партии гибеллинов, не пускает к дереву мерзких ворон, видимо, символизирующих партию гвельфов, поддерживавших папу римского. Под деревом нарисованы десять женщин, видимо, символизирующих мирных жителей, которых гибеллины охраняют от злобных гвельфов.

Вот только растут на дереве не яблоки или апельсины, а фаллосы, и, кстати, одна из женщин пытается какой-нибудь из них сорвать, а две вцепились друг другу в волосы – видимо, уже сорвали и не могут поделить драгоценный «плод».

И это не единственное подобное изображение – в XIV–XV веках такие деревья изображались несколько раз: на фресках в двух тирольских замках, на нескольких паломнических значках и на деревянных шкатулках, которые дарили друг другу молодожены. И это только известные нам изображения.

Что символизировало это дерево, можно догадаться – такой символ плодородия известен еще с античных времен, поэтому он легко мог сохраниться и до Средневековья. Это предположение подтверждается и изображением на картине в Масса-Мариттима – что еще могло так волновать дерущихся женщин и что так охранял императорский орел, как не будущее потомство горожан? Да и шкатулки молодоженов намекают на то же самое.

Все дело в чепчике

В том, что касается исторического исследования, ничему нельзя верить на сто процентов. Вероятно, фаллосы на дереве символизируют плодородие, но это тоже не факт, и сомневаться меня заставляют именно дерущиеся женщины.

Посмотрите на них – они сорвали друг с друга головные уборы и растрепали волосы. А в Средние века женские волосы имели особое, сексуальное и даже сакральное значение. Их нельзя было выставлять на всеобщее обозрение – обратите внимание, что на миниатюрах с принимающими ванну женщинами они всегда в головных уборах. Голые, но в чепчиках, головных покрывалах, энненах¹, эскофьонах². С распущенными волосами иногда ходили юные незамужние девушки, иногда так изображали Деву Марию и королевских невест – распущенные волосы на этих изображениях символизировали девственность и непорочность. А в обычной жизни по городу простоволосыми ходили только проститутки.

Самый простой и эффективный способ оскорбить женщину действием в то время – это сорвать с нее головной убор. Это было крайне унижительно – все равно что сейчас задрать на глазах у всех юбку. Поэтому на жанровых миниатюрах растрепанными женщины чаще всего бывают двух типов – распутные злодейки, погибающие от руки героя, и как раз вцепившиеся друг другу в волосы злобные соседки, обычно выступающие как аллегория всех женских недостатков, включая сварливость и похоть.

Поэтому я поостерегусь давать однозначную трактовку символике «древа плодородия»: неизвестно, за плодородие ли женщины дерутся или за что-то другое.

¹ Эннен – высокий конусообразный головной убор знатной дамы XV века. Иногда делался в виде усеченного конуса или раздваивался.

² Эскофьон – «рогатый» головной убор знатной дамы XV века.

Повсюду фаллосы

Это дерево интересно в основном количеством фаллосов, а не самим их наличием. От Средневековья нам осталось такое количество изображений мужских половых органов, что надпись из трех букв на заборе может показаться на этом фоне не такой уж и распространенной.

Во-первых, их очень много в так называемых маргиналиях (от латинского слова, означающего «край»). Так называются изображения на полях рукописей. Это типичное для Средних веков явление – в рукописных книгах на самые разнообразные темы, от рыцарских романов до Священного писания, кроме основных иллюстраций, изображавших святых, королей, батальные сцены и т. д., были еще и мелкие рисунки на полях, не имеющие отношения к теме. В этих рисунках фантазия художников не знала границ, и границ приличий тоже.

Любимые темы маргиналий – голые задницы, часто испражняющиеся или извергающие газы, отвратительно себя ведущие обезьяны, многие из которых в одеяниях духовенства, странные полулюди-получудовища, гуманизированные животные, и фаллосы. Последние могли изображаться как на теле мужчины, так и в виде плода, а то и вовсе в человеческий рост и гуляющие сами по себе.

Аллегии в большинстве маргиналий довольно прозрачные, но кому хочется подробностей – есть блестящее исследование «Страдающее Средневековье». Я же привожу эти примеры прежде всего для того, чтобы показать, что тема физиологии в средневековом обществе совершенно не была табуированной, и фаллос или голый зад могли легко встретиться даже в Псалтыре.

Религиозный эксгибиционизм

Не менее провокационные изображения половых органов можно встретить, во-первых, в качестве бейджей³, а во-вторых, что современному человеку может показаться совсем невероятным – в декоре церквей. Совокупляющиеся пары, огромные фаллосы, мужчины и женщины, задирающие одежду и демонстрирующие половые органы – таких изображений множество над воротами храмов и на резных капителях колонн. Особенно этим отличаются церкви XII века.

Что это значит, до сих пор никто не знает, хотя в «Страдающем Средневековье» приводятся основные гипотезы: «Первая версия – самая очевидная и, как это часто бывает, видимо, самая близкая к истине. Большинство «непристойностей» в декоре храмов – это вовсе не какая-то хвала плоти, а, наоборот, ее осуждение, дидактика на службе проповеди. Эти фигуры требовались для того, чтобы напомнить пастве об опасности распутства и прочих грехов, к которым ведет потакание телу... Трудность с этой версией в том, что... во множестве «эксгибиционистских» фигур нет ничего, что бы ясно указывало на их наказание... Если такие сцены – это контрпримеры, изображения грешных органов и недозволенных сексуальных практик, то остается вопрос, почему они были столь многочисленны и натуралистичны? Как фаллос, вырезанный на модильоне, обличал грехи плоти и страшил муками преисподней?..

В соответствии со второй версией... это отголоски древних (римских, германских и кельтских) культов плодородия и чадородия. В Средневековье они не были полностью искоренены, сохранились в бескрайнем крестьянском мире, а кое-где даже оказались «приручены» Церковью. И действительно, многие верования и ритуалы, связанные с плодородием земли и плодородием тела, сексуальностью и деторождением, были впитаны христианством или продолжили жить бок о бок с ним...

Однако трудно поверить в то, что средневековая Церковь, столь озабоченная борьбой с пережитками язычества, специально устанавливала этих «идолов» на своих стенах, чтобы им воздавали культ или применяли для магического целительства...

Наконец, из второй версии вытекает третья – магическая. Она гласит, что изображения фаллосов и вульв требовались для того, чтобы защищать здания от злых духов, дурного глаза и прочих опасностей. Им не воздавали культ, а видели в них амулеты, символы, способные принести удачу и благосостояние... По многим свидетельствам, в Средневековье продолжало жить древнее представление о том, что вид женских половых органов способен прогнать любого врага, видимого и невидимого. В Милане в XII в. над одними из городских врат (Порта Тоза) установили рельеф, где женщина, подняв юбку, подносит к вульве ножницы. Над ее головой вырезано слово «ворота» (porta). Так что, видимо, ее жест должен был отпугнуть всякого агрессора, который в эти ворота / вагину решит без спроса проникнуть.

Однако, если главная роль всех этих фигур и сцен состояла в том, чтобы своей непристойностью и агрессией отгонять злых духов от церквей и замков, то почему мужчины и женщины с выставленными половыми органами изображались не только снаружи, но и внутри? Например, в XIII в. в нефе церкви Св. Радегонды в Пуатье (Франция) на одном из модильонов была вырезана фигура женщины с пышной грудью. Сидя на карачках, она двумя руками раздвигает свою вульву. Недалеко от нее на таком же модильоне уселся мужчина, выставивший напоказ свой фаллос.

³ Бейджи – крайне популярные в Средние века небольшие металлические значки, которыми украшали одежду и головные уборы. Бейджи с геральдической символикой означали принадлежность к свите того или иного вельможи, с цеховыми символами – принадлежность к цеху, фигурки святых выступали в роли амулетов. Специальные бейджи традиционно продавались во всех активно посещаемых паломниками местах и служили символом совершенного паломничества. Были и бейджи, использовавшиеся просто в качестве украшений.

В XIV–XV вв. половые органы регулярно изображались на небольших металлических значках, какие археологи сотнями находят в Нидерландах, Северной Франции и Англии. На них мы видим крылатые пенисы с колокольчиками, вульвы на ножках, совокупляющиеся пары или женщин, которые, словно мясо на вертеле, жарят фаллосы (во французских фаблю того времени фаллос часто уподоблялся сосиске). Один из таких значков сделан в форме двусторонней мидии, на внутренней стенке которой была выгравирована вульва. Эти изображения настолько похожи на римские амулеты и настолько далеки от того, что историки долго считали мыслимым для христианского Средневековья, что их на первых порах часто принимали за античные артефакты...

«Эротические» значки, которые, возможно, продавались вместе с паломническими, а сейчас откапывают бок о бок с ними, часто высмеивают пилигримов. На одном из них вульва предстает в обличье паломника – в широкополой шляпе, с посохом и четками в руках. На другом – три фаллоса несут на носилках, словно статую святого или раку с мощами, вульву в короне. На третьем – вульва-паломница держит в руках посох с навершием в форме фаллоса...

Фривольные сценки с фаллосами и вульвами явно должны были вызывать усмешку. Но велик шанс на то, что смехом дело не ограничивалось, и их тоже носили как амулеты. Органы, дающие жизнь, приносили удачу и прогоняли опасность, болезнь и смерть. Хотя к многочисленным «эксгибиционистским» образам трудно подобрать один ключ, ясно, что в Средние века, несмотря на церковную проповедь аскетизма, усмирения плоти и воздержания, фаллосы или вульвы ассоциировались не только с греховными радостями секса, но и с продолжением рода, жизненной силой, плодородием и процветанием...»

Литературные откровения

Перейдем от изображений к нарративу, то есть посмотрим, что в Средние века писали в книгах, показывали на сцене, рассказывали в историях, пели в песнях. До наших дней дошло множество средневековых литературных произведений. Как пишет Роберт Фоссье: «Между 1170 и 1230-ми годами множатся фаблио и «новеллы», отражая приобщение масс к культуре; с середины XIII века по XV век происходит расцвет – от англичанина Чосера до итальянца Боккаччо через авторов «Романа о Лисе»⁴, Рютбефа⁵ или через «Окассена и Николетт»⁶...»

Начнем с простонародной культуры – фаблио и фарсов, из которых можно многое почерпнуть о социальных отношениях в Высоком и Позднем Средневековье. Я ставлю между ними знак равенства, поскольку фаблио – это анекдотическая история, а фарс – то же фаблио, только расписанное по ролям и поставленное на сцене.

⁴ «Роман о Лисе» (Roman de Renard) – памятник французской городской литературы конца XII–XIV вв., представляющий из себя цикл сатирических поэм.

⁵ Рютбёф (фр. Rutebeuf, Rustebués; около 1230 г. – около 1285 г.) – французский трувер, один из самых заметных представителей французской поэзии в эпоху Людовика IX.

⁶ «Окассен и Николетт» (фр. Aucassin et Nicolette) – французский рыцарский роман первой половины XIII века в жанре песни-сказки (шантефабль).

Средневековый фарс

Французское слово *farce* происходит от латинского *farsus* – начинка, фарш. Название пошло предположительно от того, что фарсы часто использовали как вставные сценки в мистериях (длинных религиозных представлениях по случаю праздников).

Что такое фарс? Если говорить коротко, это постановка анекдота. Иногда короткая сценка, иногда настоящая мини-пьеса, но суть не меняется – это сыгранная на сцене забавная бытовая история. В ней могло что-то высмеиваться, могла быть ненавязчивая мораль, а могло все строиться просто на игре слов. Правило у фарсов было всего одно – чтобы было смешно. Как и анекдоты, фарсы бывали остроумные и грубые, изящные и жестокие, гениальные и тупые.

Герои фарсов – сами горожане. В какой-то степени это лучший источник, по которому можно судить, кто жил в средневековом городе, и какие между классами, профессиями и группами были отношения. В фарсах, разумеется, показывали не конкретных людей, а обобщенные образы. В современном анекдоте мы заранее представляем, чего ждать от типичных персонажей вроде блондинки, тещи, нового русского, поручика Ржевского или Чапаева (которые давно не имеют отношения к киногероям). Так и в средневековом фарсе были типичные купцы, буржуа, лекари, адвокаты, мошенники, монахи, ремесленники, крестьяне. Если фарс начинался с того, что на сцене появлялись два монаха – можно было сразу догадаться, что речь пойдет о жадности и распутстве, если немолодая супружеская пара – о женской сварливости, если пожилой муж с молоденькой женой – о проделках изменницы-жены, и т. д.

Фарсы можно условно разделить на группы или циклы: о глупых мужьях, о сварливых женах, о мошенниках, о пройдохах-адвокатах, о псевдоученых. Фарс, даже если в нем была мораль, существовал вовсе не ради этой морали. Цель фарса – не научить чему-то и даже не высмеять, а просто показать, как это смешно. Можно сказать, что создатели фарсов искали позитив в любых ситуациях и предлагали не плакать над ними, а смеяться.

Появился фарс на рубеже XII–XIII веков, но к сожалению, самые ранние фарсы до нас не дошли. Как и большая часть народной литературы, они существовали только в устном варианте. Записывать их начали только в XV веке. Вероятно, менялись они мало.

Меня больше всего интересовали фарсы, касающиеся брачно-семейных отношений. Я приведу отрывки из совершенно феерического «Новобрачного, что не сумел угодить молодой супруге».

Что это было? Как я уже сказала – фарс. Маленькая пьеска, типичная для средневековой городской культуры. Я не могла не привести ее здесь, хоть и в сокращении, уж очень яркую семейную картину она дает. Кого мы видим? Две супружеские пары, по-видимому, обеспеченных горожан. Муж и жена средних лет, давно живущие в браке, выдавшие дочь замуж. Другая пара – молодожены. И кто у них главный? В старшей паре – однозначно женщина. Она много говорит, расспрашивает дочь об интимных подробностях, без стеснения обрушивается на зятя, грозит ему судом, а от увещаний мужа отмахивается. Его угрозу побить ее она пропускает мимо ушей.

Муж в основном пассивен, он только удерживает жену, чтобы она с ее бурным темпераментом не наломала дров. А когда она, наконец, высказывает все, что хотела, он спокойно подводит итог и напоминает, что пора ужинать. Из его совета дочери по поводу рукоприкладства мужа можно догадаться, что бывали случаи, когда и они с женой решали проблемы именно так – он мог поколотить за что-то, а она подольстится к нему и все равно получит желаемое.

Я не буду анализировать это с точки зрения современной морали, она к Средневековью не применима. Просто обращаю внимание на факты. Муж имел право бить жену. Но руководит

в их семье жена, и мужа она не боится. И о суде она говорит достаточно уверенно, чтобы можно было не сомневаться – она знает свои права, и возможно, ей уже приходилось их отстаивать.

У молодоженов проблема в интимной жизни, и отчего она возникла, не уточняется. На поверхности лежит тот факт, что к рукоприкладству родители жены собирались отнестись философски, мол, дело житейское, надо учиться манипулировать мужем. А вот неудовлетворение ее сексуальных потребностей вызвало у них сильное негодование – а для чего она тогда вообще замуж выходила?

Еще одна любопытная деталь – свобода, с которой обе женщины говорят на интимные темы. Мужчины слегка стесняются, это болезненный для них вопрос мужской сексуальной состоятельности, а мать и дочь обсуждают техническую сторону плотских отношений вовсю, практически не выбирая выражений (в современном переводе текст смягчен).

**«Новобрачный, что не сумел угодить
молодой супруге» (фрагменты)
Французский фарс примерно 1455
года, перевод М. З. Квятковской**

Мать:

Да что ты странная какая?

Уж не прибил ли муженек?

Молодая:

Вы мне нашли такого мужа,

Что невозможно выбрать хуже.

Да поразит господь того,

Кто первый к нам привел его!

В девицах мне жилось привольно,

Теперь я чахну в цвете лет.

Мать:

Но отчего? Мне видеть больно,

Как исхудала ты, мой свет!

Еще и месяца-то нет,

Как вы произнесли обет.

...

Отец:

А ты б, коль муж вернулся злой,

Ушла на время с глаз долой,

А ночью жарче приласкала,

И враз бы гнев его остыл.

Молодая:

Он, батюшка, меня не бил —

Не оттого мои мученья.

...

*Какою я от вас ушла,
Такой пришла, без измененья!
Ему не боле я мила,
Чем мерзостные нечистоты.*

Отец:

*Да где же стыд твой, дочка? Что ты!
Спешить ты с этим не должна;
Вот погоди – придет весна,
И он куда резвее станет.*

Мать:

*Пусть лихоманка к вам пристанет!
Кой черт вас дернул за язык?
Не вам соваться в это дело.
А я скажу вам напрямик:
Уж коли дочка уцелела,
Так нечем, знать, ему играть.*

Отец:

*Когда бы ты могла сказать
Ему об этом осторожно,
Обиняками, если можно,
То лучше было бы, жена.*

Мать:

*Совсем истаяла она.
Увы, не тронута бедняжка!
Клянусь, ему придется тяжко —
Его стащу я завтра в суд.
Уж судьи живо разберут,
Где что и все ли там на месте.*

...

*С тех пор как вы живете вместе,
Ты не пыталась никогда
Узнать во что бы то ни стало,
Внезапно сдернув одеяло,
Когда крепче он заснет,
Чего же там недостает?*

Дочь:

*На днях я счастья попытала.
Когда мы спать пошли вдвоем,*

*Он взял да лег ко мне лицом —
Я даже вся затрепетала
И обняла его, и вот —
Ему погладила живот
И ниже... Тут, как бы со страху,
Он подоткнул свою рубаху
И сдвинулся на самый край.*

Мать:

*Господь, мерзавца покарай!
Я душу прозакласть готова,
Что он обижен естеством.
Да ты уверилась ли в том,
Что все добро его при нем?*

...

*Злодей! Пропала дочь моя!
Мой гнев не выразить словами.*

Молодой:

*Да вот она — здесь, рядом с вами!
В чем дело? — знать хотел бы я.*

Мать:

*Не избежал бы ты битья,
Будь я тебя, наглец, сильнее.
Каков обманищик! Не краснея,
Вступаешь ты в фальшивый брак
И надуваешь нас, да как!
Сколь подло поступил ты с нею!
Она в поре, с ней спать да спать,
Но нет в тебе, я вижу, рвенья...*

Отец:

*Ох, лопнуло мое терпенье.
Придется перцу вам задать.*

Мать:

*Нет, я не потерплю обмана.
Угодно ль, нет ли будет вам,
Поверю лишь своим глазам,
Что он — мужчина без изъяна
Сам черт меня не убедит!*

...

*Великим Карлом я клянусь,
Что если ты к концу недели —*

*Нет! И трех дней я не дождусь! —
Не станешь мужем ей на деле
И не загладишь впрямь вину,
Я дочь свою домой верну.*

Отец:

*Давайте ужинать! Ну, словом,
Теперь исправится зятек!*

...

Мать:

*Ну ладно, дочка, ты вернешься
И мне расскажешь, что и как,
Чтоб снова не попасть впросак,
И – вот те крест! – ты разведешься,
Коль неисправен муженек.
Храни нас, боже, от тревог!*

Феминистическая «Лохань»

«Лохань» – это история о покладистом Жакимо, которого жена и теща совсем заездили – свалили на него всю домашнюю работу. Уборка, стирка, готовка, покупки, уход за детьми и т. д. – взысканы на него. Составили даже целый реестр дел, которые он обязан делать. Причем за то, что он послушно все это выполняет, от сварливых баб ему достаются не похвалы, а сплошные ругательства, попреки и даже рукоприкладство.

Но справедливость восстанавливается – сварливая жена падает в глубокую лохань с бельем, просит мужа помочь ей, но тот зачитывает ей список своих обязанностей и указывает, что среди них нет обязанности ее вытаскивать. В итоге он ее, конечно, вытаскивает, но только после того, как она дает обещание делать домашние дела сама.

Рассматривать эту историю можно как угодно. Можно вспомнить о том, что все эти тяжелые дела выполняли женщины и не жаловались. Но с другой стороны – герой взял на себя традиционно женские обязанности, но при этом мужские с него никто не снимал. И за свою двойную нагрузку он благодарности не получал. Поэтому я не зря назвала «Лохань» феминистической – даже несмотря на то, что Жакимо в конце концов побеждает, видно, что сила на стороне женщин. Он вроде как мужчина, хозяин в доме, господин и повелитель, однако она ездит на нем как хочет, и выбраться из-под ее каблука ему удастся только благодаря случаю и хитрости.

Нетипичный «Бедный Жуан»

«Бедный Жуан» – нетипичная для фарса история о любви. Жена Жуана не злая или сварливая, она просто кокетливая, ветреная и легкомысленная, капризная, но при этом очаровательная. И Жуан «бедный» не потому, что его жена интересуется только собой и нарядами, а потому, что она недостаточно интересуется им, тогда как он в нее безумно влюблен. Он страдает от ее равнодушия, ревнует, обижается и при этом невероятно счастлив от каждого знака ее внимания. Это обыгрывается с юмором и легкой насмешкой, но это именно история о любви.

Общее у двух таких разных фарсов в том, что в них обыгрывается сходная ситуация – состоятельный горожанин попадает под каблук жены. Но насколько разные у них причины, и насколько интересную и разноплановую картину семейных отношений в средневековом городе они дают...

Я предлагаю еще раз вспомнить страшные истории о «забитости» средневековой женщины, о ее рабском подчинении мужу, о приравнивании женщины к вещи. Вряд ли у супруги Жакимо и уж тем более у ветреной жены Жуана были какие-то особые рычаги давления на мужей. А с учетом того, что фарсы показывали не конкретных людей, а типажи, можно достаточно уверенно предположить, что такие отношения в семье были не исключением, а обычной ситуацией.

«Пятнадцать радостей брака»⁷ (фрагмент)

Нет на свете суровее епитимьи, чем пережить и снести те великие скорби и тяжкие страдания, кои ниже будут указаны и описаны. Одно лишь только смущает меня: ведь женатые мужчины свои муки и печали почитают радостью, они свыклись и сжились с ними и сносят с ликованием, столь же легко, как выучный осел тащит свою поклажу, так что заслуга их тут невелика...

...Может стать, жена его добросердечна и нрава незлого, но вот однажды довелось ей повстречать на празднике многих дам купеческого либо другого какого сословия, и все они были пышно разодеты по новой моде, – тут-то и вошло ей в голову, что по ее происхождению и состоянию ее родителей подобало бы и ей наряжаться не хуже других. И вот она, не будь проста, выжидает места и часа, дабы поговорить о том с мужем, а способнее всего толковать о сем предмете там, где мужья наиподатливее и более всего склонны к соглашению: то есть в постели, где супруг надеется на кое-какие удовольствия, полагая, что и жене его более желать нечего. Ан нет, вот тут-то дама и приступает к своему делу. «Оставьте меня, дружочек, – говорит она, – нынче я в большой печали». – «Душенька, да отчего же бы это?» – «А оттого, что нечему радоваться, – вздыхает жена, – только напрасно я и разговор завела, ведь вам мои речи – звук пустой!» – «Да что вы, душенька моя, к чему вы эдакое говорите!» – «Ах, боже мой, сударь, видно, ни к чему; да и поделись я с вами, что толку, – вы и внимания на мои слова не обратите либо

⁷ «Пятнадцать радостей брака» – французская антифеминистская сатира рубежа XIV–XV вв., собравшая все популярные в то время отрицательные стереотипы о женщине. Предположительно написана духовным лицом. В заголовке спародировано название молитвы «Пятнадцать радостей Богоматери».

еще подумаете, будто у меня худое на уме». – «Ну уж теперь-то я непременно должен все узнать!» Тогда она говорит: «Будь по-вашему, друг мой, скажу, коли вы так ко мне приступились. Помните ли, намереди заставили вы меня пойти на праздник, хоть и не по душе мне праздники эти, но когда я, так уж и быть, туда явилась, то, поверьте, не нашлось женищины (хотя бы и самого низкого сословия), что была бы одета хуже меня. Не хочу хвастаться, но я, слава тебе Господи, не последнего рода среди тамошних дам и купчих, да и знатностью не обижена. Чем-чем, а этим я вас не посрамила, но вот что касается прочего, так тут уж натерпелась я стыда за вас перед всеми знакомыми нашими». – «Ох, душенька, – говорит он, – да что же это за прочее такое?» – «Господи божие мой, да неужто не видели вы всех этих дам, что знатных, что незнатных: на этой был наряд из эскарлата, на той – из малина, а третья щеголяла в платье зеленого бархату с длинными рукавами и меховой оторочкою, а к платью накидка у ней красного и зеленого сукна, да такая длинная, чуть не до пят. И все как есть сшито по самой новой моде. А я-то заявила в моем предсвадебном платьишке, и все-то оно истрепано и молью потрачено, ведь мне его сшили в бытность мою в девицах, а много ли с тех пор я радости видела? Одни лишь беды да напасти, от коих вся-то я истаяла, так что меня, верно, сочли матерью той, кому прихожусь я дочерью. Я прямо со стыда сгорала, красуясь в эдаком тряпье промеж них, да и было чего устыдиться, хоть сквозь землю провались! Обиднее же всего то, что такая-то дама и жена такого-то во всеуслышанье объявили, что грешно мне ходить такой замарашикою, и громко насмехались надо мною, а что я их речи слышу, им и горя мало...»

...Утром встает простак-муж, измученный бессонницею и заботами, и, выйдя из дому, покупает сукно и бархат на платье – в кредит, на долговое обязательство либо занимает денег в обмен на десять-двадцать ливров 8 ренты, либо закладывает какую-нибудь золотую или серебряную драгоценность, доставившуюся ему от родителей...

...Тем временем подступает срок платить долги, а у бедняги-мужа ни гроша в кармане. Кредиторы тут как тут – они описывают у него дом, а самого тащат в суд, и вот на глазах у жены пропадает и супруг, и заложенные золотые вещи, на которые было куплено ей платье. Мужа, осудив, засаживают в тюрьму, а нашу даму выселяют из дома в трактир. И один только Бог знает, каково сладко приходится мужу, когда его половина, вопя и причитая, является к нему в каталажку с жалобами: «Будь проклят день, когда я родилась! Ах, почему не умерла я сразу после рождения! Увы мне! Случалось ли когда женищине столь высокого происхождения и благородного воспитания нести такой позор! Горе мне! Сколько я трудов положила на хозяйство, как усердно дом вела, и вот все, что мною накоплено и нажито, идет прахом! Отчего не выбрала я мужа среди двадцати других женихов, – вот и жила бы теперь, поживала в богатстве да в почете, как и их жены! Бедная я, горемычная, хоть бы смерть обо мне вспомнила!» Так голосит жена и не поминает при этом ни о платьях, ни об украшениях, коих добивалась, хотя куда приличней ей было бы сидеть в то время дома да приглядывать за хозяйством... Вот как попадаются простаки в брачные сети, не ведая о том, что их там ждет, а кто еще не попался, рано или поздно тем же кончит: загубит в браке свою жизнь и в горестях окончит свои дни...

...Третья радость брака в том заключается, что, когда молодой человек и жена его, столь же юная, вдоволь нарезвились и насладились друг другом, эта последняя оказывается в тягости, да еще не от мужа, – и такое частенько случается. И вот одолевают злосчастного мужа заботы да мучения, ибо приходится ему теперь бегать да рыскать повсюду, разыскивая для своей половины то, что ей по вкусу; и ежели она упустит из рук булавку, он со всех ног кидается эту булавку поднимать, дабы не повредила она себе, нагибаясь; и хорошо еще, ежели повезет мужу отыскать для дамы такое яство, какое ей понравится, а то, бывает, измучится бедняга вконец, пока добудет подходящее. И часто бывает так, что, наскучив всевозможными яствами, ей доставленными, и баловством да уходом мужа, дама вовсе теряет аппетит и начинает брезговать обычной едой. И принимается блажить да капризничать, требуя вещей самых причудливых и невиданных: что ж делать, хочешь не хочешь, а надобно доставлять их ей, вот и хлопочет добряк-муж днем и ночью, пеши или верхами, усиливаясь раздобыть нужное. Таково мучится бедняга восемь, девять ли месяцев, пока дама ублажает да жалеет себя; на нем все домашние тяготы, ему ложиться за полночь, а вставать с зарей и хлопотать по хозяйству столько, сколько надобно, и не меньше...

...А иногда, бывает, повезет хозяину явиться в дом пораньше, и уж как он устал да натрудился, как на сердце у него тяжело и грустно от забот, вот и хочется ему, чтобы его приветили да приласкали, – но куда там! Хозяйка сердится и бушует вовсю, хоть святых выноси. И надобно вам знать, что вздумай хозяин приказать хоть какую-нибудь малость, слуги и не подумают выполнить распоряжение, ибо давно уже взяли сторону хозяйки и состоят у ней в полном подчинении, да и попробуй-ка они послушаться и пойти ей наперекор, – им преотлично известно, что сей же миг придется искать себе другое место; так что напрасно хозяин будет стараться: ежели хозяйке это не угодно, то ничего и не будет...

...Пятая радость брака в том заключается, что некий добрый человек, женившись, обрек себя на нескончаемые тяжкие труды и заботы и оттого по прошествии времени присмирел нравом да утомился силами и охладела в нем горячая прежде молодая кровь; случилось же так, что жену он взял знатнее себя родом или моложе годами, а несообразность сия многими несчастьями чревата. Ибо ничто так не портит дела, как различие в возрасте либо в сословии – ведь несходство сие противно и разуму и природе человеческой...

И бывает иногда так, что за сладкими утехами да веселыми праздниками, куда даму нашу вечно тянет плясать да развлекаться, где видит она одни лишь приятности да слышит одни лишь комплименты, забывает она о муже, а заводит себе милого дружка, любезного ее сердцу. А когда так, то муж у ней и вовсе в забросе: ведь ему куда как далеко до ее милого, ибо он и скуп, и угрюм, а ей скупость сия претит, да и молодость берет свое и хочется провести ее в забавах да уладах...

...Вот, скажем, проведут муж с женою в своей спальне всю ночь и целое утро, лаская и забавляя друг друга всевозможным, а вслед за тем он встает, она же, оставшись одна в спальне, причесывается, принаряжается и выходит веселая да ко всем любезная; тут же спешит она распорядиться насчет обеда и прочих домашних дел; вот настает время садиться за стол и муж зовет даму. Но какая-нибудь из служанок или кто-то из детей докладывает

ему, что она обедать не намерена. «Да пойдите же и скажите ей, чтобы пришла», – велит муж. Вот приходят служанка или дочь к хозяйке и говорят: «Госпожа, хозяин приказал передать, что ждет вас к столу и не приступит к трапезе, пока вы не придете». – «Иди и скажи ему, – отвечает та, – что я обедать не буду». – «Иди и скажи ей, – опять говорит муж, – чтобы шла немедленно». Получивши новый отказ, добрый супруг сам отправляется к своей половине и начинает расспрашивать ее, что приключилось, хотя и до того она не однажды ломала перед ним такую же комедию и расспросами от нее ничего путного не добьешься, да и добиваться не стоит: просто-напросто вздумалось ей пожеманиться. И как он ее ни уговаривай, не пойдет она обедать, и дело с концом. Но иногда все-таки муж уломает ее и, обнявши за плечи, будто новобрачную, поведет к столу, а там уже и яства простыли, пока он ее обхаживал. Да и севши за стол, дама разведет кривляния и церемонии и крошки в рот не возьмет, также и супруг-простофиля куска не съест, на нее глядячи; и чем больше он будет о жене заботиться, тем печальнее она станет глядеть, дабы ввести его в беспокойство. И умно поступает: ибо женищине мало заручиться опекою того, кто ее любит и верно служит, но во что бы то ни стало надобно добиться расположения мужа, когда его одолевают горестные мысли. Ей кажется, будто она хорошо делает, вгоняя мужа своего в тоску да кручину...

Фаблио «О женских косах»

Нельзя оставить в стороне и одну из любимых тем средневековой литературы – о хитрых женах-изменницах. Так в фаблио «О женских косах» рассказывается история некоего сурового рыцаря, который очень любил лошадей, но недостаточно интересовался своей женой. Его супруга завела любовника, но – вот незадача, рыцарь их застукал. Любовнику удалось ускользнуть, а жену разгневанный муж выгнал из дома.

Что сделала дама: она уговорила свою подругу помочь, отправила ее вместо себя к мужу и не ошиблась. Тот в темноте принял подругу за жену, пришел в ярость, что эта подлая изменница осмелилась явиться домой, жестоко избил бедняжку и отрезал ей косы. После чего положил отрезанные косы под подушку и спокойно улегся спать.

Дама пообещала несчастной подруге оплатить весь ее урон, утащила из-под подушки мужа косы и подменила их на хвост, который отрезала у его любимой лошади. А потом тоже спокойно легла спать.

Наутро муж попытался поднять скандал, но обнаружил, что на жене ни синяка, а под подушкой – хвост вместо косы. В итоге ему пришлось просить прощения, а потом отправляться в паломничество, чтобы ему больше не являлись такие жуткие видения. Ну а жена с любовником сполна воспользовалась его отсутствием.

Мораль в финале своеобразная – если вам изменила жена, разбирайтесь с ней дома, а не выставляйте ее и свой позор на всеобщее обозрение.

Рыцарская литература

Ситуация в простонародной среде, думаю, понятна, но как дело обстояло с людьми образованными, занимавшими высшие строчки в иерархии средневекового общества? Может быть, они читали о высоком, а не хохотали, как простолюдины, над скабрёзными историями?

Боюсь, что это маловероятно. Для начала надо вспомнить маргиналии – для кого их рисовали на полях даже самых серьёзных книг, как не для знатных и богатых господ, которым эти книги предстояло читать? Да и среди авторов фавлю были даже такие важные и высокообразованные люди как Филипп де Бомануар⁸.

Думаю, нет нужды отдельно рассказывать о Боккаччо, которого тоже читала в основном верхушка общества (учитывая стоимость рукописных книг, особенно иллюстрированных), он хорошо известен и в наше время. Скажу лучше о другом любопытном авторе. Во второй половине XV века в Бургундии появился аналог «Декамерона» – сборник «Сто новых новелл». Исследователи приписывали его то одному, то другому автору, но сейчас в основном склоняются к Филиппу де По – знаменитому дипломату, рыцарю Ордена Золотого Руна, крестнику герцога Бургундского и губернатору Бургундии.

Иллюстрации из этой книги прилагаю, думаю, выложенный на стол фаллос, выставленные напоказ половые органы монашек и сценки с голыми людьми обоих полов достаточно скажут о сфере интересов автора и читателей. Такой литературой развлекалось бургундское дворянство, самое блестящее и рыцарственное во всей Европе.

Впрочем, если оставить в стороне «низкие жанры» и обратиться к серьёзной рыцарской литературе – романам о великих воинах и прекрасных дамах, то и там за красивым фасадом можно увидеть достаточно спорные вещи. Тристан и Изольда состояли в незаконной любовной связи, причем их отношения были отнюдь не платонические. Ланселот любил жену своего короля. Да и король Артур был рожден от внебрачной связи, более того, его отец, Утер, чтобы соблазнить чужую жену, выдал себя за ее мужа.

И в остальных, менее известных рыцарских историях говорится на те же темы: любовь, секс, измены, но только не с юмором, как в фавлю и фарсах, а совершенно серьезно, даже пафосно. В этом главное отличие куртуазной литературы от «низких» жанров – дамы и рыцари любят по-настоящему и изменяют не от похоти, а по любви. Но плотская тема звучит так же громко, как городских новеллах – рыцари, добиваясь любви дамы, хотят не чего-то абстрактного, а вполне конкретного секса.

⁸ Филипп де Реми, сьёр де Бомануар (фр. Philippe de Rémi, sire de Beaumanoir, между 1247 и 1254 – 7 января 1296) – французский философ, писатель, юрист, дипломат, королевский чиновник. Сын поэта Филиппа, сьёра де Бомануара.

Средневековый «Мюнхгаузен» и его сексуальные фантазии

Чтобы закрыть тему секса в средневековой культуре, поговорим о литературе, которая формально считалась не развлекательной, а познавательной.

В середине XIV века в Льеже была написана книга о путешествии, которая в последующие 200 лет переписывалась более 300 раз – на французском, английском, немецком, итальянском, испанском, фламандском, датском, чешском языках и латыни. Для сравнения, книга о путешествии Марко Поло в Китай была переписана около 80 раз.

Одна из популярнейших книг Позднего Средневековья называлась «Приключения сэра Джона Мандевиля» и повествовала о путешествиях английского рыцаря через Турцию, Армению, Персию, Сирию, Аравию, Египет, Палестину, Ливию, Эфиопию, Месопотамию, Индию и даже легендарное царство пресвитера Иоанна.

Путешествие, описанное в книге, длилось 34 года, а ее автора, сэра Джона Мандевиля называли «первым великим английским путешественником» и «отцом английской прозы».

Что же написано в этом творении, которым зачитывалась вся средневековая Европа? Чем дальше сэр Джон забирался от привычных мест, тем фантастичнее становились его приключения. На своем пути он повстречал заколдованное войско, озеро из слез Адама и Евы и алмазную гору, притягивающую железо, словно магнит. Пообщался с желтыми, зеленым, одноногими и безголовыми людьми, повидал гигантов, пигмеев и циклопов. На Никобарских островах познакомился с кинокефалами – людьми с песьими головами. А на острове Ланго сэр Джон видел прекрасную деву и даже попробовал ее поцеловать, но она тут же превратилась в страшного дракона. Диковинные создания описаны им не только внешне, сэр Джон уделил немало внимания и их диковинным обычаям. Какие-то народы практиковали людоедство, какие-то избавлялись от стариков, но самый потрясающий воображение обычай был у некоего народа, который боялся девственниц:

«Существует также остров, очень красивый, плодородный, большой и густонаселенный, где существует следующий обычай. В первую брачную ночь новобрачная ложится с другим мужчиной, который лишает ее девственности. За эту работу хорошо платят, и она достаточно почетна. В каждом городе есть особый мужчина, который занимается только этим, – их называют *cadeberiz*, что означает «безумцы с тщетными надеждами». В этой стране считается, что лишать женщину девственности очень опасно. Если муж обнаружит, что его жена после ночи с предназначенным для этой роли мужчиной осталась девственницей (возможно, из-за того, что тот был пьян или по какой-то иной причине), он обвиняет так называемого *cadeberiz* в невыполнении порученного ему дела и жестоко преследует его. Причем данное обвинение равносильно обвинению в покушении на убийство. Но после того, как женщины провели первую ночь с *cadeberiz* и были лишены девственности, они ведут себя крайне осторожно и не осмеливаются разговаривать с другим мужчиной. Я спросил у них о причинах такого обычая, и мне рассказали, что раньше некие мужчины умерли из-за того, что лишали девственности девушек, у которых внутри тела жили змеи. Эти змеи кусали их за пенис, что приводило к мгновенной смерти. Поэтому, опасаясь умереть, они поддерживают обычай, при котором девственности всех женщин лишает определенный мужчина – они предпочитают, чтобы был некто, кто взял бы на себя риск первым «испытать» их жен».

На самом деле, конечно, никакого сэра Джона Мандевиля не существовало, но о том, кто мог быть настоящим автором книги, до сих пор ведется много споров. Сам текст – это частично выдумка человека с очень богатой фантазией, а частично – компиляция из «Описания восточных земель» Одорико Порденоне с добавлением сведений из античных и средневековых авторов (Геродота, Эратосфена, Плиния, Плано Карпини, Жака де Витри, Винсента из

Бове и Гийома де Рубрука). Описание Турции и Палестины в книге довольно точное – европейцы там нередко бывали, возможно, автор действительно путешествовал по этим странам.

Сочинение «средневекового Мюнхгаузена» все-таки принесло пользу науке. Сэр Джон Мандевиль писал, что проехал Индию и Китай, а потом пересек море и оказался в Норвегии. Поэтому идея о том, что из Европы через океан можно попасть в Индию, высказанная Колумбом, мало кого удивила – она к тому времени уже имела множество сторонников среди читателей «Приключений сэра Джона Мандевиля».

Возраст любви

В 30 лет – уже старуха?

По интернету ходят многочисленные перепосты о том, что даже в XIX веке люди в среднем жили до 30–40 лет, а значит, в эти 30 лет были уже стариками, как старушка-мать Татьяны Лариной, которой было 36 лет. О Средневековье и говорить нечего – тогда средний возраст был вообще всего 18 лет!

Откуда взяты эти 36 лет госпожи Лариной, оставим на совести тех, кто это придумал – у Пушкина нигде не сказано, что она родила Татьяну в 18 лет, наоборот, есть указания, что дети у нее появились не сразу (она успела чуть не развестись с мужем, потом привыкнуть к нему, а про детей все еще ни слова не было). Но вернемся к Средним векам, когда, дескать, так и жили: в 12 замуж, а в 18 уже на пенсию, если вообще доживешь.

Есть в этом хоть доля правды? Откуда взялись эти цифры? Не с потолка.

В одной из коммун Флоренции сохранилась статистика средней продолжительности жизни. Вот эти цифры:

1300 – около 40 лет

1375 – около 18 лет

1400 – около 20 лет

1427 – около 28 лет

Ужасно, конечно. И в то же время странно – почему в начале XIV века люди в среднем жили до 40 лет, а в конце того же века – всего 18–20? Ответ на самом деле очень прост. Эта статистика фиксирует все рождения и смерти, включая людей, умерших от эпидемий, войн, а главное – она учитывает тех, кто умер в младенчестве.

Увы, но это факт – детская смертность действительно была высочайшей. И оставалась такой до конца XIX века. Например, П. И. Куркин в своем исследовании детской смертности в Московской губернии за 1883–1897 гг. писал: «Дети, умершие в возрасте ранее 1-го года жизни, составляют 45,4 % общей суммы умерших всех возрастов в губернии. Да что там Средневековье и даже XIX век. В 1913 году, который так любят приводить в пример, как год наивысшего процветания Российской империи, в этой самой империи умирал каждый четвертый младенец.

В других странах ситуация была похожей.

До самого начала XX века, при всех достижениях медицины в Новое время, умирал каждый второй младенец. В XX веке – каждый четвертый. И только после изобретения антибиотиков младенческая смертность резко понизилась, и в 1946 году, даже несмотря на общее понижение качества жизни после войны, умирал уже только каждый десятый младенец.

Почему я привожу данные XIX века? Они точны, и их легко отыскать (от Средневековья точной статистики не осталось), а для общих примеров их вполне можно использовать, поскольку разница в уровне гигиены и качестве медицины для Средневековья и XIX века куда меньше, чем для XIX века и современности. Из цифр, которые я буду приводить дальше, это очевидно. Природа жестоко отсеивала слабых на самой ранней стадии, и людям было нечего ей противопоставить. Показательно уже то, что, по данным археологов, скелеты детей, не достигших семи лет, находятся в 20 % средневековых захоронений, а в некоторые, видимо, неблагоприятные периоды – и до 30 %. Во время эпидемии чумы детей умерло в два раза больше чем взрослых.

***Данные из доклада Д. А. Соколова и В. И. Гребеникова
«Смертность в России и борьба с нею», 1901 г. С.-Петербург.***

В Пруссии (1866-79) на 100 живорожденных младенцев в возрасте до полугода умирали 33,4

В Италии (1872-78) – 33,8

В Бадене (1866-78) – 34,7

В Саксонии (1865-74) – 36,9

В Австрии (1866-78) – 39,1

В Баварии (1866-78) – 39,6

В Вюртемберге (1871-77) – 39,8

В европейской части России (1867-75) – 42,5

Чумная статистика

Английский историк Йен Мортимер, основываясь на документах XIV–XVI веков, пишет, что зажиточные английские крестьяне в первой половине XIV века жили в среднем до 48 лет, а во второй половине – до 52. Средняя продолжительность жизни была примерно такой же, как у людей, родившихся в первой половине XX века (по официальным данным Росстата) и даже выше, чем в большинстве современных африканских стран. Еще более интересную картину дают, например, судебные архивы Пикардии, в которых, на радость историкам, обычно указывается возраст свидетелей. Так при расследовании преступления в 1316 году в Бетюне было привлечено 39 свидетелей, из которых только трем из них было менее сорока лет, пятнадцать человек были старше пятидесяти, и еще трое – даже старше семидесяти лет. Конечно, нужно учитывать, что «возрастные» свидетели пользовались большим доверием, чем молодежь, и привлекать старались именно их, но все-таки данные подтверждают, что людей старше 40 и даже 50 лет в обществе хватало.

Возвращаясь к флорентийской статистике:

1300 – около 40 лет

1375 – около 18 лет

Почему же даже эта условная средняя продолжительность жизни настолько уменьшилась? Ответ прост – чума. В середине XIV века по Европе прокатилась страшнейшая эпидемия чумы, выкосившая около трети населения. Статистика учитывает и ее жертв тоже.

Хитрые цифры

Так что все-таки показывают цифры флорентийской статистики по средней продолжительности жизни? Да почти ничего на самом деле. Как в старой шутке о средней температуре по больнице. Проведем простой эксперимент. Возьмем для примера все того же Александра Сергеевича Пушкина и рассчитаем среднюю продолжительность жизни в семье Пушкиных по флорентийскому способу:

Ольга (20.12.1797 – 2.5.1868) – 71 год

Александр (26.5.1799, М. – 29.1.1837) – 37 лет

Лев (9.4.1803, М. – 19.7.1852) – 49 лет

Николай (26.3.1801, М. – 30.7.1807) – 6 лет

Софья (6.1.1809 – 12.9.1809) – округляем до 1 года

Павел (16.7.1810 – 27.12.1810) – округляем до 1 года

Михаил (28.10.1811 —?)

Платон (14.11.1817, Спб. – 18.10.1819) – 2 года

Михаила не считаем, поскольку не знаем дату его смерти. Берем остальных, складываем продолжительность их жизни: $71+37+49+6+1+1+2=167$. Делим на семь (поскольку их семеро), получается около 24 лет.

Пожалуйста – вот рассчитанная по этой системе средняя продолжительность жизни в семье Пушкиных. Насколько реальную картину она показывает, решайте сами.

Земную жизнь пройдя до половины...

Этими словами Данте Алигьери начал свою «Божественную комедию». Предположительно известно, какой возраст он считал серединой жизни – это 35 лет. Следовательно, Данте после тридцати не только не собирался на пенсию, но и оптимистично рассчитывал дожить до 70 лет. К сожалению, он ошибся, и ему было отмерено всего 56 лет. Но и умер он не от дряхлости, а от малярии, в разгар своей политической карьеры.

Средневековый старик

А кого же сами средневековые люди считали стариками? Общество в то время было вовсе не такое дикое, как может показаться сквозь толщу веков, и существовало даже юридическое понятие «старый человек». В Средние века не только понимали, что люди проходят в жизни какие-то стадии взросления и старения, но и очень интересовались этим вопросом. Поэтому существовало несколько систем разделения человеческой жизни на возрастные периоды, придуманные уважаемыми учеными. Они опирались не только на данные своей современности, но и на античные исследования. На три стадии жизнь делил еще великий Аристотель, на семь – менее известный широкой публике (потому что в отличие от Аристотеля не был воспитателем Александра Македонского), но не менее гениальный Птолемей⁹, который любим современными астрологами, поскольку считал, что за каждую стадию человеческой жизни отвечает определенное небесное тело. Существовали и философские системы, например, идея о четырех стадиях жизни, соответствующих временам года, популярная и по сей день – ведь юность по-прежнему сравнивается с весной, а переход от зрелости к пожилому возрасту – с осенью.

⁹ Клавдий Птолемей (ок. 100 – ок. 170) – позднеллинистический астроном, астролог, математик, механик, оптик, теоретик музыки и географ.

Из книги Миллы Коскинен «О прекрасных дамах и благородных рыцарях»

По теории небесных тел, от рождения до четырехлетнего возраста в человеке доминирует Луна, затем, от 4 до 14 лет, на него воздействует Меркурий, который уступает место Венере, доминирующей в жизни человека до 24 лет. От 24 до 34 лет жизнь человека находится в зените и управляется Солнцем. Затем приходит черед Марса, который длится до 46 лет, и от 46 до 58–60 лет на человека воздействует Юпитер. После 60 лет начинается закат, и в жизни человека доминирует Сатурн, до самого конца.

Бернар де Гордон из Монпелье в 1308 году делит жизнь человека на три стадии. Первая длится от 0 до 14 лет (детство), 14–35 (молодой возраст), 35 —? (просто возраст). В другой своей работе он обозначает верхним пределом человеческой жизни 60 лет. То есть, в его понимании, у человека сразу после 60 начинается возраст «столько не живут». Данте в своем «Пире» делит жизнь совершенно по-другому: 0–25 (подростковый возраст), 25–45 (взросление), 45–70 (старение), 70–? (старость). Филипп де Новара, 13-й век, предлагает следующее деление (не являясь, впрочем, медиком, но крестоносцем, поэтом, писателем и консервативным философом): 0–20 (юность), 20–40 (возраст расцвета), 40–60 (возраст созерцания), 60–80 (старость).

Что касается вариаций в рамках жизненных стадий женщин, то Винсент из Бове упоминает вскользь, что молодость женщины заканчивается после 50 лет, когда она теряет способность к деторождению. Кстати сказать, это приблизительно на 5 лет больше, чем средний идентичный период в наши дни. Остальные ученые, очевидно, предполагали, что и женщины, и мужчины проходят стадии жизни одинаково...

Что касается указов и декретов королей, то здесь имеется масса примеров, что старыми считались люди от 60 до 70 лет и старше. Список доказательств в общем-то просто огромен. Здесь и указ Филиппа Пятого Французского от 1319 года, разрешающий лицам старше 60 лет платить налог местному сеньялю, а не ехать ко двору короля, и указ Филиппа Шестого Французского от 1341 года о пенсиях, сохраняемых для старых служаков старше 60-ти, и распоряжение Педро Жестокоего от 1351 года об обязательных работах для всех, от 12 до 60, и распоряжение Эдуарда Второго Английского о военной подготовке всех мужчин от 15 до 60, и пенсия солдатам старше 60 лет Генриха Седьмого Английского, и много чего еще. Во многих регионах Европы (например, Кастилия и Леон) пенсионный возраст для служащих наступал и вовсе в 70 лет. Другим островком удивительного статистического долголетия в средневековой Европе была Венеция...

Для историка эта граница в 60 лет означает, что общество, ее установившее, признавало, что за ней начинается снижение способностей и упадок сил. То есть, пожалуй, именно этот возраст, 60, можно определить в качестве возраста, с которого средневековый человек начинал считать себя старым. Расцвет же сил признавался у людей от 30 до 60 лет, потому что возраст в 30 лет был нижней границей у многих административных и управленческих должностей. Впрочем, монах и впоследствии аббат Джоселин из Бреклонда возражал против двух кандидатур в приоры Бери-Сент-Эдмундс на основании того, что кандидатам всего по 40 лет, и они слишком молоды. Но относительно тех, кто занимался тяжелым физическим трудом, средневековой статистики просто нет. Есть, например, Закон о рабочей силе от 1351 года, обозначающий «пенсионным» возрастом 60 лет, после чего работник больше не был ничего никому обязан. Не верьте в «здоровый труд на свежем воздухе»! В современной Европе, снимающей с пенсионеров высокий налог, попытка поднять возраст выхода на пенсию до 67 лет вызвала бурю протестов потому, что средняя продолжительность жизни у разнорабочих и вообще людей физического труда – всего 68 лет. В 2014 году. Так что вполне вероятно,

что и в Средние века люди не слишком заживались после достижения заветного рубежа. Это было бы в интересах экономики короны.

Когда стареет женщина?

С женским старением вопрос решался несколько проще, чем с мужским. Можно было обойтись и без философии. Поскольку биологические часы тикали в Средние века точно так же, как сейчас, молодую женщину от старой отличали простейшим способом – по тому, способна ли она еще рожать. И эта граница, по мнению большинства средневековых специалистов, проходила в 50 лет. В 50! Да, тридцатилетняя женщина в средневековой Европе нисколько не считалась старородящей, наоборот, она была еще ого-го и могла подарить своему господину и повелителю еще нескольких детей. С некоторыми это и случалось.

Но оговорюсь, что касалась такая классификация в первую очередь дворянок и во вторую горожанок. В деревне все было куда печальнее. Не зря, по словам одного из персонажей Чосера, тридцатилетняя женщина – просто «высохшее зимнее сено». Крестьянки раньше начинали работать, раньше выходили замуж и рожали детей – этого требовала экономическая необходимость. Поэтому старились и умирали они тоже раньше. Тяжелая работа и многочисленные роды превращали их в старух. Но это не показатель «средневековости» – в XIX веке и даже первой половине XX была точно такая же картина. Достаточно советские фильмы посмотреть – какие там матери у деревенских девушек? Старушки в платочках. А ведь они, как мать Татьяны Лариной, сами вышли замуж рано, потом детей нарожали, и, пожалуйста, у восемнадцатилетней дочери сорокалетняя мать – деревенская бабушка. И в противовес – какое-нибудь индустриальное кино, где такая же сорокалетняя начальница НИИ или заводской партработник – элегантная моложавая дама в шляпке.

«Кто является старой женщиной? Та, которая не возражает, если ее так называют».
Моисей Египетский, раввин, врач и ученый, XII век.

Элизабет (или Изабелла) де Вермандуа (фр. *Isabelle de Vermandois*; англ. *Elizabeth of Vermandois*; ок. 1081 – 13 февраля 1131), дочь Гуго Великого, графа Вермандуа.

От брака (1096) с Робертом де Бомоном, графом де Мёлан и 1-м графом Лестером, Элизабет имела следующих детей:

1. Эмма де Бомон (род. в 1102 г.), в младенчестве обручена с Амори де Монфором, однако свадьба не состоялась, дальнейшая судьба не известна;
2. Галеран де Бомон (1104–1166), граф де Мёлан (1118–1124), 1-й граф Вустер (с 1138);
3. Роберт де Бомон (1104–1168), 2-й граф Лестер (с 1118);
4. Гуго де Бомон (род. в 1106 г.), граф Бедфорд (1137–1141);
5. Аделина де Бомон (род. ок. 1107 г.), замужем первым браком за Гуго IV, сеньором де Монфор-сюр-Рисль, вторым браком за Ричардом де Гранвиллем;
6. Обри де Бомон, замужем за Гуго II, сеньором де Шатонёф-ан-Тимерэз;
7. Матильда де Бомон (род. ок. 1114 г.), замужем за Вильгельмом Ловелем, сеньором д'Иври;
8. Изабелла де Бомон (ум. около 1172), любовница короля Генриха I, замужем первым браком за Гилбертом де Клером, 1-м графом Пембруком, вторым браком за Эрве де Монморанси, коннетаблем Ирландии.

От второго брака (1118) с Вильгельмом де Варенном, 2-м графом Суррей, Элизабет имела следующих детей:

9. Вильгельм де Варенн, 3-й граф Суррей (1119–1148);

10. Реджинальд де Варенн, наследник нормандских владений семьи;

11. Ральф де Варенн;

12. Гундрада де Варенн, замужем первым браком за Роджером де Бомоном, 2-м графом Уориком, вторым браком за Вильгельмом, лордом Кендалом;

13. Ада де Варенн (ум. ок. 1178), замужем за Генрихом Шотландским, 3-м графом Хантингдоном. Через дочь Аду Элизабет де Вермандуа является предком королей Шотландии и Великобритании.

То есть, если подсчитать, то у Изабеллы было тринадцать детей, первого из которых она родила примерно в 21 год, а пятерых последних – после 38 лет. Причем все выжили, переженились на ком-то и некоторые даже стали родоначальниками различных династий.

Старуха по закону

Но возвращаемся к Средневековью. Закон был не всегда согласен с медиками и философами. Женщины часто были наследницами своих отцов и еще чаще мужей, поэтому представляли из себя серьезную материальную ценность. Их браки регулировались родней или королевской властью (об этом в одной из следующих глав). Но, как у мужчин была возрастная граница, после которой их не могли заставить пойти воевать, так и у женщин был возраст, после которого их даже королю было как-то неловко выдавать замуж. В большинстве случаев этот возраст составлял 60 лет. В Англии, например, вдовы старше шестидесяти имели право больше не выходить замуж (строго говоря, остальные тоже такое право имели, но обязаны были платить за это штраф своему сеньору).

Милла Коскинен приводит несколько примеров того, что в глазах общества шестидесятилетний возраст был некой границей, после которой женщина считалась старой, а следовательно, должна была думать о вечном, а не о мирских радостях. Так, в 1388 году епископу Линкольнскому поступила жалоба на некого рыцаря, который выкрал собиравшуюся удалиться в монастырь графиню Алисию де Лэси и уговорил ее выйти за него замуж. Пострадал от этого в первую очередь монастырь, потому что графиня была богата и после смерти предыдущего мужа собиралась принять постриг и, соответственно, неплохо обогатить церковь. Но поскольку в той ситуации она оказалась и жертвой, видимо, на нее жаловаться не было смысла, так что кляуза была направлена против рыцаря. Автор жалобы требовал оштрафовать его, ведь графине было уже 60 лет.

Другая история произошла на юге, в солнечной Италии, где, по мнению людей, основывающих свои знания о Средневековье на «Ромео и Джульетте», в 14 лет девочка была уже чуть ли не старой девой. В 1410 году в Турине группа молодых людей была оштрафована за то, что устроила суматоху и «кошачий концерт» под окнами недавно обручившейся вдовы. Ответчики, защищаясь, настаивали на том, что вдове уже 60 лет: нечего ей снова замуж выходить!

Смерть, забирающая внезапно тех, кто хочет жить долго...

*Смерть, всегда превращающая высокое в низкое...
Ты забираешь сына раньше, чем отца,
ты обрываешь цветы раньше плодов...
Ты забираешь молодых, двадцативосьми-,
тридцатилетних в лучшем их возрасте, в самом расцвете сил...*

*Элиан де Фруамон,
«Стихи о смерти», 20-е годы XIII века.*

Путь к зрелости

Есть еще один момент, о котором обычно все забывают при изучении вопроса старости в Средние века. Как известно, человек становится стариком не сразу. Пройдя стадию зрелости, он начинает постепенно стареть, но процесс этот занимает не год и не два, а десять-двадцать лет, а то и больше. Положа руку на сердце, вы назовете современного 50-60-летнего человека стариком? Но ведь и молодым его уже тоже не назвать. Тогда какой он? Наверняка вы используете слово «пожилой», а к старцам причислите только совсем уж убеленных сединами и еле держащихся на ногах. Был этот период перехода от зрелости к старости и в Средневековье.

Ю. Л. Бессмертный в книге «Жизнь и смерть в средние века» приводит пример: во включенном в Парижский статут 1225 г. установлении Эда Сюлли специально оговаривается, что священник, надолго уезжая из своего прихода, должен на всякий случай миропомазать тех больных, которым исполнилось 40 лет, потому что именно этот возраст считался границей, за которой начинался возраст повышенного риска. «Чуть более конкретно высказывается Филипп Новарский¹⁰. Как уже говорилось, он называет весь промежуток от 40 до 60 лет «средним возрастом», однако делит его на две неравноценные половины. Возраст от 40 до 50 лет Филипп считает несравненно лучшим, чем от 50 до 60. Ибо от 40 до 50 лет человек может еще в полной мере пользоваться всеми благами и всем «совершенством» «среднего возраста». О возрасте от 50 до 60 лет этого уже сказать нельзя. Когда же исполнится 60 лет, продолжает Филипп, наступает старость; в это время полагается оставлять службу, жить «со своими» и для себя – «если только есть с чего жить».

¹⁰ Филипп Новарский – знатный барон XIII века, рыцарь-крестоносец, участник нескольких Крестовых походов, видный политический деятель государства крестоносцев, юрист, искусный дипломат, талантливый поэт. Написал мемуары, где изложил исторические события, свидетелем которых был. Как поэт, известен своими поэмами и лирическими сочинениями. Как философ – трактатом «Четыре возраста человека».

Способность любить

Напоследок стоит дать слово поэтам. Ученые считали, что женщина стареет после 50 лет, закон – что после 60. А в куртуазной литературе бытовало мнение, что пылкие страсти женщине положено испытывать лет этак до 35, а дальше женщина становится зрелой, и ее должна больше интересовать спокойная привязанность. В то же время многие трубадуры и труверы придерживались мнения, что мужчине пристало влюбляться до 60 лет, а женщине – до 50 лет. Например, в трактате Андрея Капелана «О любви» (около 1185 г.) говорится, что мужчины после 60 лет и женщины после 50 лет неспособны к любви, поскольку «утрачивают естественное тепло своих тел и свои силы... что вызывает различные расстройства здоровья и разные болезни». Несмотря на все требования куртуазности, поэты были не лишены практичности и учитывали все то же состояние здоровья и окончание репродуктивного возраста у женщин. И статистика на их стороне – если взглянуть на возраст знатных особ, о которых сохранилось достаточно данных, становится понятно, что мужчины, если им удавалось не погибнуть на войне, жили дольше женщин и старели несколько позже. Причина этого, думаю, всем понятна – многочисленные роды истощали женский организм. А учитывая детскую смертность, рожать приходилось много...

Ложка дегтя

Не хотелось бы, чтобы по написанному выше сложилась излишне радужная картина, мол, в Средневековье все дышали свежим воздухом, питались экологически чистыми продуктами и поэтому долго не старели, а жили до ста лет. Это будет уже другая крайность. Речь всего лишь о том, что биологические часы и пятьсот лет назад тикали примерно с той же скоростью, что и сейчас. Да, люди выросли немного раньше, немного раньше старели и немного раньше умирали. Но ключевое слово – «немного». Да, средневекового человека поджидало гораздо больше опасностей, чем современного. Болезни, от которых еще не было лекарств, раны, от которых умирали, потому что еще не было антибиотиков, тяжелая работа – о 8-часовом рабочем дне, больничных, охране труда и тому подобном тогда не только никто не слышал, такие смелые мысли еще даже философам и мечтателям в головы не приходили.

Это несколько испугало тем, что люди в Средневековье изначально были здоровее и крепче современных (археологи с удивлением отмечают у останков сорокалетних солдат хорошие зубы, и это при средневековом уровне стоматологии). Причина проста – они проходили естественный отбор. Хилые умирали в младенчестве, слабые не дорастали до зрелости, а значит, и не размножались. Выживали только крепкие, они и давали потомство. А в наше время развитие медицины привело к тому, что до зрелости доживают и те, кто в Средневековье был бы обречен на раннюю смерть. Практически все мы – уже в третьем-четвертом поколении потомки тех, кто естественный отбор не прошел бы. Вот и накапливаются генетические заболевания, вот и страдают все с самого детства то аллергией, то астмой, то еще чем-нибудь. Но наука не стоит на месте, поэтому ждем, когда медицина научится исправлять все это на уровне ДНК – возможно, тогда нас ждет скачок в продолжительности жизни, и она будет уже на самом деле сильно отличаться от средневековой.

Пора замуж

От возраста смерти перейдем к брачному. Не совсем логично на первый взгляд, но – только на первый. С мифом о том, что в Средние века люди жили в среднем по 30–40 лет, мы разобрались, с тем, что в 30 лет женщины были уже глубокими старухами – тоже. А как насчет замужества в 13 лет? Если до 30 нужно успеть нарожать детей, состариться и умереть, то все понятно. Но если женщины доживали до 60, а иногда и рожали после 40, как им удавалось так сократить детство и старость и, наоборот, растянуть молодость и зрелость?

Синьора Капулетти

*Так о замужестве теперь подумай.
В Вероне есть почтенные синьоры,
Уж матери, которые моложе
Тебя, Джульетта; да и я сама
Давно была уж матерью в те лета,
В какие ты в девицах остаешься.*

*Шекспир,
«Ромео и Джульетта»*

Возраст Джульетты

Практически все, кто считает, что в Средневековье выходили замуж в 13 лет, опираются именно на эти слова синьоры Капулетти. Шекспир, Великий Бард, с легкостью создал этот миф, разумеется, ни на минуту не задумываясь, что далекие потомки будут воспринимать его пьесу как серьезное историческое свидетельство. При этом все забывают, что он писал не о родной стране, а об Италии, где ни он, ни его зрители ни разу не были, и напиши он, что там водились люди с двумя головами, публика и это приняла бы на ура. Я вовсе не шучу – одним из самых популярных произведений XIV–XVI веков была уже упоминавшаяся выше книга «Путешествия сэра Джона Мандевиля», автор которой был кем-то вроде барона Мюнхгаузена XIV века: он написал роман про свои выдуманные путешествия в земли каннибалов и людей с песьими головами.

Значит, не все герои пьесы считают, что 13–14 лет – это прекрасный возраст для замужества, отец Джульетты предлагает подождать еще два года, пока ей не будет 15–16.

В оригинальной итальянской новелле, которая легла в основу трагедии, Джульетте вообще 18 лет. Почему она у Шекспира вдруг стала на несколько лет младше? Никто толком не знает. У шекспироведов и просто любителей всевозможных теорий заговоров на эту тему есть множество теорий, начиная с простой ошибки при переводе с итальянского, заканчивая модной в XVI веке нумерологией – есть исследователи, которые насчитали там и 14 гостей у Капулетти, и 14 часов с момента знакомства Ромео и Джульетты до их свадьбы...

В пьесе Шекспира есть и такой разговор:

Капулетти

То, что сказал уж прежде:

Что дочь моя едва вступила в свет,

Ей нет еще четырнадцати лет;

Когда краса еще двух лет увянет —

Для ней пора невестой быть настанет.

Парис

Есть матери моложе, чем она.

Капулетти

Зато они и блекнут слишком рано.

Брачная статистика времен Шекспира

Так в каком возрасте на самом деле вступали в брак в шекспировские времена? XVI век – это уже не Средневековье, конечно, но зато по нему есть достаточно приличная статистика. Минимальный брачный возраст по церковным нормам составлял 12 лет для девушек и 14 для юношей. Тем, кого это шокирует, хочется напомнить, что в современной России минимальный брачный возраст – 14 лет. Всего на два года больше, чем во времена Шекспира.

Но то, что в России разрешено вступать в брак с 14 лет, вовсе не означает, что все так и делают. То же самое можно сказать и об Англии XVI века – по статистике, только одна на тысячу знатных невест была младше четырнадцати лет. А в среднем английские дворянки выходили замуж в 19–21 год, а юноши женились в 24–26 лет. Притом, что в знатных семьях всегда было принято заключать ранние браки, ведь свадьба означала союз двух семей и способ увеличить свое богатство и влияние. Люди незнатные, женившиеся не из политических соображений, а по любви или ради приданого, вступали в брак еще позже. Средний брачный возраст англичанок в XVI веке составлял 25–26 лет, а мужчины женились в 27–28 лет.

В других европейских странах дело обстояло примерно так же. В статье Трэйси Дэннисон и Шейлы Огилви «Does the European Marriage Pattern Explain Economic Growth?» приведен анализ 175 публикаций по исторической демографии, включавших в себя и 1491 исследование возраста при первом замужестве в различные периоды. По их данным, в XVI веке для Германии и Швеции он составлял 24 года, для Англии – почти 25, для Польши – 20, для Франции 20–22, для Испании 18–20 (в зависимости от региона), для Италии – 19.

Женщины для короля

Возможно, эти цифры кто-то воспримет скептически – в России брачный возраст всегда был гораздо ниже, чем в Западной Европе, и 25-летняя женщина до сих пор некоторыми россиянами воспринимается как старая дева. Для тех, кто не доверяет статистике, есть практический пример. Возьмем всем известную личность, причем известную прежде всего своими многочисленными браками. Человека, который мог получить любую женщину Англии, вне зависимости от ее возраста и социального положения.

Итак, король Генрих VIII. Женщин какого возраста он выбирал себе в жены?

Поглядел бы ты на старика Генриха, когда он был во цвете лет. Вот это был фрукт! Бывало, каждый день женится на новой жене, а наутро велит рубить ей голову. Да еще так равнодушно, будто яичницу заказывает. «Подать сюда Нелл Гвинн!» – говорит. Приводят ее. А наутро: «Отрубите ей голову!» И отрубают. «Подать сюда Джейн Шор!» – говорит. Она приходит. А наутро: «Отрубите ей голову!» И отрубают. «Позовите прекрасную Розамунду!» Прекрасная Розамунда является на зов. А наутро: «Отрубите ей голову!»
Марк Твен, «Приключения Гекльберри Финна»

Жены Генриха VIII

1) *Екатерина Арагонская.*

Генриху было всего 18 лет, когда ему пришлось жениться на испанской принцессе Екатерине, 24-летней вдове его скоропостижно скончавшегося брата. Это было рискованное решение, ведь в глазах церкви жена брата была все равно, что родная сестра, и такой брак можно было оспорить (что Генрих через 24 года и сделал). Но в тот момент никто еще не мог предположить, что Екатерина не сможет подарить стране наследника, а возвращать ее приданое уж очень не хотелось. Поэтому Генрих, повинувшись отцовскому приказу, женился, и довольно долго они прожили в любви и согласии. Пока не стало ясно, что Екатерина серьезно больна (она сильно растолстела из-за гормонального сбоя) и не сможет родить сына. А Генриху было еще только 35 лет.

2) *Анна Болейн.*

Анна не была девочкой, когда Генрих обратил на нее внимание. Ей было 19, а может, и 25 лет (историки расходятся в этом вопросе) – вполне подходящий возраст для брака и по современным меркам. Но, поскольку королю надо было получить развод, поженились они только через шесть лет. Да-да, именно столько длился бракоразводный процесс, и Анна ждала своего часа. Так что королевой она стала в 25 лет, а может, и в 31 год. И ненадолго, поскольку из двоих ее детей одна оказалась девочкой, а сын родился мертвым. Наследника у Генриха так и не было.

3) *Джейн Сеймур.*

Ей ждать не пришлось – поскольку Анна не была сестрой испанского короля, Генриху не пришлось заниматься разводом. Он казнил опостылевшую жену и тут же обвенчался с Джейн. Было ей тогда 28 лет.

4) *Анна Клевская.*

Джейн прожила недолго, но родила королю долгожданного наследника. В четвертый раз Генрих рискнул снова жениться на принцессе. Правда, после трех его браков иностранные монархи не горели желанием отдавать ему своих дочерей и сестер, да и религиозный вопрос вмешался (Европа окончательно разделилась на католиков и протестантов). Но принцессу он себе все же нашел – Анну Клевскую, которой в то время было 25 лет. Увы, выбор по портрету оказался неудачным, при личном знакомстве Анна Генриху не понравилась, и ему снова пришлось заняться разводом. К счастью для всех сторон, Анна, в отличие от Екатерины, не цеплялась за корону и охотно согласилась расторгнуть брак под предлогом того, что между ней и королем так и не было секса (без этого брак по закону считался недействительным). Она получила большие отступные и жила долго и счастливо, чего нельзя сказать о ее преемнице.

5) *Екатерина Говард.*

В пятый раз Генрих женился на действительно молодой девушке – 19-летней Екатерине Говард, двоюродной сестре Анны Болейн. Но несмотря на юность, у нее было уже довольно бурное прошлое, и король быстро перестал ей доверять. К тому же ей не удалось быстро забеременеть, и меньше чем через два года после свадьбы Екатерина повторила судьбу своей кузины и отправилась на эшафот.

6) *Екатерина Парр.*

Видимо, после бурного пятого брака Генрих несколько подустал, поэтому его шестой и последней избранницей стала дважды вдова, 32-летняя Екатерина Парр. Ей удалось пережить царственного супруга и даже после его смерти выйти замуж в четвертый раз (и, кстати, родить ребенка, хотя первые три ее брака были бездетными).

Итак, возраст королевских избранниц: 24 года, 25–31 год, 28 лет, 25 лет, 19 лет, 32 года. От всех жен он ждал детей, а от трех даже получил. Значит, даже король, при всем богатстве выбора, не считал девушек 24–30 лет перестарками.

Возвращаемся к средневековой статистике

Но все же это XVI век, а книга о Средневековье. Может быть, на 100 лет раньше все было по-другому? А на 500?

В уже упоминавшейся статье Трэйси Дэннисон и Шейлы Огилви «Does the European Marriage Pattern Explain Economic Growth?» есть данные и по средним векам. Так, для X–XV вв. они указывают такие цифры. Средний возраст первого вступления в брак во Фландрии был 20 лет, во Франции – 15,5–18, в Италии – 17–19 (в зависимости от региона). Данные по другим странам в этот период в их исследовании, к сожалению, не указаны.

Однако есть очень любопытные исследования Марии Денисюк, которая собрала данные по европейским принцам и принцессам XIII–XV веков. Полностью составленную ею статистику можно посмотреть на ее странице <https://vk.com/mariadenisyuk2001>. Ею собраны данные не только по Средневековью, но и по Ренессансу и Новому времени, кроме того, она эти данные систематизировала, составила статистику по тому, как уменьшался процент несовершеннолетних невест, как менялась продолжительность жизни, и т. д. Ну а в этой книге я с ее любезного разрешения размещаю таблицу, в которой собраны сведения о продолжительности жизни, брачном возрасте и фертильности только европейских принцесс XIII–XV веков.

Конечно, принцессы – очень специфическая выборка. Именно их чаще, чем других девушек, выдавали замуж в детском возрасте, чтобы скрепить политический союз, и именно от них требовалось как можно скорее родить мужу наследника. Но даже с учетом этих условий можно заметить некоторые закономерности.

Прежде всего, как бы рано ни был заключен брак (а в списке есть даже четырехлетние невесты), из 365 принцесс только семь родили первого ребенка в возрасте младше пятнадцати лет. В большинстве же случаев первые роды приходятся на возраст двадцати с лишним лет.

Любопытен и возраст последних родов – у некоторых принцесс он составляет сорок и больше лет, вплоть до сорока девяти. В тех же случаях, когда последние роды были в молодом возрасте, почти всегда причина в том, что дама рано осталась вдовой.

Продолжительность жизни тоже разная – кто-то умер в двенадцать лет, а кто-то дожил до восьмидесяти двух. Но если не брать такие крайности, то заметно, что в основном молодыми женщины умирали от неудачных родов. Мария Денисюк скрупулезно отметила те случаи, когда точно известно, что дама умерла при родах. Но о некоторых данные неточные (так Клеменция Габсбургская умерла в 28 лет, то ли от родов, то ли от чумы). А о многих просто не сохранилось почти никакой информации, однако логическим путем тоже можно кое-что определить. Например, Маргарита Французская родила единственного ребенка в 17 лет и почти сразу же умерла. Маргарита Анжуйская родила последнего ребенка в 27 лет и тоже почти сразу умерла. Батиста Сфорца умерла через три месяца после рождения последнего ребенка, и вероятной причиной ее смерти в возрасте всего 26 лет считаются тоже тяжелые роды, от которых она так и не оправилась. Елизавета Баварско-Ландсхутская умерла после того, как несколько лет подряд каждый год рожала по ребенку – даже если ее убили не сами роды, то их частота как минимум сильно ослабила ее организм.

Правила, рекомендации и практика

Есть две сложности в изучении средневекового брачного возраста. Первая – статистику в те времена практически никто не вел, поэтому приходится опираться на возраст знатных особ, который далеко не везде точен – даже у некоторых королей никто не знает реальной даты рождения, родители не всегда ее записывали. И вторая – официального, установленного законом, минимального брачного возраста до XVIII века почти нигде не существовало. Были правила, установленные церковью, и некие традиции, которые воспринимались как рекомендации (в странах с прецедентным правом со временем они становились почти законами).

С обеими проблемами исследователи справляются с помощью юридических и бухгалтерских документов (вопреки еще одному устоявшемуся мифу, с грамотностью в средневековой Европе дело обстояло не так уж плохо). Возможно, поэтому демографическая история, а также брачные законы и традиции лучше всего изучены в Англии – стране с древней и хорошо развитой судебной системой, а также прецедентным правом. В общих чертах прецедентное право означает, что если какое-то решение было вынесено один раз, в другом подобном деле вновь должно быть вынесено такое же решение. Поэтому юристы бережно хранили документы по судебным искам начиная с XII века. И благодаря этому мы знаем, например, что в 1275 году в деле об изнасилованииотягчающим обстоятельством выступило то, что потерпевшая еще не достигла брачного возраста – 12 лет.

В южных странах лучше всего с изучением демографии дело обстоит в Италии – там в каждом маленьком городе-государстве была своя хорошо развитая бюрократическая система, да и образование в Италии раньше охватило широкие слои населения. Поэтому документов сохранилось достаточно много. В большинстве примеров у меня и дальше будет приводиться именно английская и итальянская статистика.

Мнение церкви

Но прежде, чем перейти к статистике, подумаем о душе. Что же думала о брачном возрасте католическая церковь? Ведь именно она заключала браки, да и регулировала не только духовную, но и социальную жизнь средневекового человека.

А церковь, собственно, и установила эту планку минимального брачного возраста. В разные века и в разных местностях он слегка варьировался, но не сильно – 12–13 лет для девушек и 14–16 лет для юношей. Почему именно такие цифры? Очень просто – раннехристианская церковь вообще долго не признавала брака и придерживалась точки зрения, что истинный христианин должен всю жизнь блюсти чистоту и любить только Бога. Но примерно в VIII веке церковные деятели осознали расхождения такого подхода с жизнью. Как людей ни воспитывай, сколько ни объясняй им, что девственность и добродетель – путь к спасению души, те все равно пойдут по пути «не согрешишь – не покаешься» и удовлетворять плотские желания как в браке, так и вне его. Не говоря уж о процветающем многоженстве.

В итоге возобладали трезвомыслящие сторонники Блаженного Августина – виднейшего богослова, считавшего, что без брака все-таки не обойтись. А может быть, до церковных иерархов, наконец, дошло, что они выпустили из рук мощнейший рычаг управления людьми. Христианская церковь бросилась наверстывать упущенное, сформулировав основные цели и правила христианского брака. Было объявлено, что брак нужен для рождения себе подобных, а также для предотвращения разврата. Основными правилами стали нерасторжимость, моногамия, публичность, церковное благословение, согласие обеих брачующихся сторон, исключение родственных союзов и т. д.

Исходя из этого, легко догадаться, что брачный возраст был установлен по среднестатистической планке полового созревания. Как только дети становились способными сами зачать детей, они превращались во взрослых и могли вступать в брак.

Бессмертный Ю. Л «Жизнь и смерть в средние века»

Г. Лепуан в 40-е годы и П. Рише... отмечали, что в раннее средневековье возрастом брака считалось для юношей 14 лет, для девушек 12 лет. Почти этот же возраст – 15 и 12 лет – признается возрастом совершеннолетия (и допустимости брака) в некоторых капитуляриях начала IX в. Он подтверждается при исследовании северофранцузских актов VIII–X вв, а также некоторыми археологическими материалами, свидетельствующими о захоронениях молодых матерей 15–16 лет вместе с их новорожденными детьми. В известном полиптике Марсельской церкви (начало IX в.) категория юношей и девушек, способных вступить в брак или уже вступивших в него, но проживающих совместно с родителями (baccalarii), включала молодых людей начиная с 12 лет.

Брак без секса

Планка в 12 лет для девочек была установлена еще в VIII веке, но Средневековье тянулось около тысячи лет, поэтому, разумеется, все менялось, и брачный возраст в том числе. Уже к XIV веку, несмотря на то, что церковь по-прежнему разрешала выходить замуж с 12 лет, консумацию брака обычно откладывали примерно до 14 лет. Это подтверждено документально. Причина простая – возраст полового созревания постепенно увеличивался, а основной целью брака было деторождение.

Возникает вопрос: зачем вообще выдавать замуж в таком юном возрасте? Об этом уже было сказано несколько слов, когда речь шла о шекспировских временах. Ранние браки были характерны для двух категорий населения: знати и крестьян. Средний класс – горожане, торговцы, ремесленники, мелкое дворянство – женились и выходили замуж гораздо позже.

Для знатных и богатых людей брак, как уже сказано выше, был в первую очередь сделкой, союзом двух семей, способом приобрести союзников и богатое приданое. К тому же при вступлении в брак надо было заплатить налог своему сеньору, поэтому тот был заинтересован в том, чтобы его вассалы женились и выходили замуж.

Это приводило к тому, что браки иногда заключались не только в 12 лет, но и в 7, и даже известен случай, когда девочку первый раз выдали замуж в 2 года. Конечно, ни о каком нормальном браке тут не было и речи. Свадьба была по доверенности, и девочка успела овдоветь, даже ни разу не увидев своего «мужа». Это был так называемый «отложенный брак». Когда двум семьям нужно было срочно породниться или когда король хотел немедленно поощрить ценного вассала богатой невестой, никто не ждал двенадцати лет – брак заключался сразу, а его консумация откладывалась до полового созревания невесты. Да и сама невеста чаще всего оставалась в родительском доме или передавалась на воспитание какой-нибудь знатной даме, которая должна была подготовить ее к роли жены и хозяйки большого дома.

*«Да как же ты венчалась, няня?»
– Так, видно, Бог велел. Мой Ваня
Моложе был меня, мой свет,
А было мне тринадцать лет.*

А. С. Пушкин, «Евгений Онегин»

Судьба крестьянок

У крестьян были свои резоны – деревенские девушки созревали раньше городских, детская смертность была выше, чем в городе, рабочих рук постоянно не хватало. Поэтому молодежь женилась максимально рано. Горожане к такому не стремились – города быстро столкнулись с перенаселенностью, да и приток людей из деревни шел постоянно, поэтому в ранних браках не было нужды.

Я не зря привела отрывок из «Евгения Онегина» – такая ситуация с ранними браками в деревне сохранялась до XX века, в том числе и в России. В 1774 году православная церковь установила брачный возраст в 13 лет для женщин и в 15 лет для мужчин. Но уже в 1830 году в дело вмешались светские власти, и в соответствии с императорским указом минимальный возраст для вступления в брак был повышен до 16 лет для невесты и 18 лет для жениха. Возникла двоякая ситуация – церковный и светский брачный возраст отличались на три года. По этому поводу в обществе велось немало дискуссий, Пушкин, например, считал, что светские власти зря всех уравнивали: если для северных губерний это годится, то в южных девицы вполне зрелые уже в 13 лет, и нечего заставлять их еще три года в девках сидеть.

Сами крестьяне тоже часто обращались к духовным властям за разрешением выдать замуж дочь в более раннем возрасте. В качестве главного мотива выдвигалась необходимость иметь в доме работницу или хозяйку. Иногда по результатам медицинского освидетельствования им такое разрешение выдавалось. Были и попытки обмануть светские власти: назвать неправильный возраст или подкупить священника. Но в таких случаях, если обман выплывал наружу, брак признавался недействительным.

Как уже говорилось, такой ранний брачный возраст приводил к тому, что крестьянки раньше старели и умирали. Ж. Поли в книге «*Regime domanial et rapports de production “feodalistes” dans le Midi de la France*» пишет, что в среде провансальских крестьян IX века многие матери уже к 22–23 годам имели по пятеро детей, а их детородный период из-за болезней, ранней смерти и других причин часто заканчивался к 25–30 годам.

Мортимер пишет то же самое о благородных девушках XIV века, но поскольку он слово в слово цитирует Поли, говорившего о крестьянках IX века, и не приводит другие источники своего утверждения, его утверждения сомнительны.

«Город в средневековой цивилизации Западной Европы

Том 1. Феномен средневекового урбанизма». Сванидзе А. А.

Существовали и ярко выраженные культурно-религиозные различия, особенно в возрасте первого брака у женщин, который на юге был, как правило, ниже, чем в Северной Европе. В XIV–XV веках брачный возраст женщин здесь в меньшей степени реагировал на изменение социально-экономической обстановки: в городе, как и в деревне, считалось обычным выходить замуж в 16 лет, хотя средний возраст в городе был и выше – около 20 лет. Жених оказывался значительно старше невесты. В городах Южной Франции средний возраст брака для мужчин в XV веке составлял 26–27 лет, а разница в возрасте между супругами – почти 8 лет. В Реймсе невесты были значительно моложе: средний возраст 15–16 лет, а возрастной интервал с супругом составлял 10 лет. Вдовы нередко повторно выходили замуж, и в этом случае жены часто были старше своих мужей – разница могла доходить до 10 лет.

Во Флоренции в XII–XIII веках жених обычно был зрелым мужчиной около 40 лет, а невеста – от 24 до 26 лет. С резким уменьшением продолжительности жизни сразу после Черной Смерти брачный возраст мужчин сильно снизился, но затем, с 1371 года и в XV веке, снова поднялся. После 1427 года он стабилизируется на отметке около 30 лет. Возраст первого брака для мужчин во Флоренции в 1427 году в богатых семьях был значительно выше, чем в неимущих: соответственно 31,2 и 27,7 года, что, совершенно очевидно, было следствием разницы в средствах, необходимых для начала карьеры купца или банкира и просто ремесленника, а также для содержания их семей.

Средний возраст вступления в брак для женщин из обеспеченных семей составлял 18 лет, более 75 % из них вступали в брак до 20 лет. Уровень брачности женщин в этой социальной категории составлял 80–85 %. Возрастной интервал между супругами (примерно 13 лет) при невысокой продолжительности жизни приводил к ситуации, когда 97 % женщин становились вдовами, едва отметив свое 25-летие, и вынуждены были снова искать мужей.

Немного выводов

1) Минимальный брачный возраст в Средние века составлял 12–13 лет для девушек и 14–16 лет для юношей, но это не значит, что все действительно выходили замуж в 12 лет. В России сейчас минимальный брачный возраст тоже составляет 14 лет.

2) Ранние браки в дворянской среде заключались из политических соображений, а их консумация откладывалась до полового созревания жениха и невесты.

3) В деревнях действительно рано созревали, рано вступали в брак и соответственно раньше старились. Но не только в Средневековье, а вплоть до XX века.

4) Реальный средний брачный возраст колебался от 13–14 лет у итальянских крестьянок до 24–25 лет у английских горожанок. Обычно на юге выходили замуж раньше, на севере позже, в деревнях раньше, в городах позже.

5) Мужской брачный возраст всегда был выше женского, но тенденции те же – дворяне женились рано из политических соображений, крестьяне – чтобы побыстрее нарожать новых работников, а горожане женились поздно, сначала получали профессию и зарабатывали деньги.

Дети

Крайне заманчиво от брачного возраста сразу перейти к увлекательному вопросу, был ли секс в Средневековье, а если был, то каким, где, и правда ли, что церковь разрешала заниматься им только одетыми и в полной темноте.

Но сначала стоит закрыть вопрос возраста. В брак можно было вступать с 12–14 лет – означает ли это, что в 12 лет человек считался уже взрослым и полностью дееспособным?

Да. Почти.

Философы и богословы, во всяком случае, были в этом вопросе последовательны. Если человек может вступать в брак, значит, он взрослый. Юристы были с этим в основном согласны. С 12 лет, по мнению большинства средневековых мыслителей, можно было не только в брак вступать, но и нести полную ответственность за свои поступки, в том числе и уголовную. А иногда и раньше. Филипп Новарский считал, что до семи лет продолжается раннее детство, «в течение которого ребенок требует тщательного надзора (из-за особой подверженности «шалопайству», опасности упасть, попасть в огонь или в воду)», дальше ребенок постепенно начинает что-то соображать, и с десяти лет уже способен различать добро и зло, а следовательно – нести ответственность за свои поступки.

Филипп де Бомануар, еще один юрист и философ XIII века, соглашался с Новарским в оценке 7 и 10 лет и уточнял, что с 10 лет начинается ответственность за особо тяжкие преступления, например за убийство. Но полная дееспособность, по его мнению, наступала с 12 лет, по достижении которых можно приносить судебную клятву, выступать гарантом в сделках купли-продажи и т. д.

Реальная судебная практика подтверждает, что это были не простые теоретизирования – к судебной ответственности подростки обоего пола в Средние века привлекались действительно с 12 лет, практически во всех странах Европы мальчики старше двенадцати (реже четырнадцати) лет становились полноправными налогоплательщиками. Так что в 12–14 лет детство заканчивалось.

Подростки

И нельзя сказать, чтобы это было лучшее время в жизни. Ответственность подросток нес как взрослый, а вот прав почти никаких не имел. Проще говоря, в Средневековье считали, что половое созревание – это хорошо, зрелый человек может много работать, его можно женить или выдать замуж, с него можно требовать выполнения каких-то обязательств, его можно и нужно заставить нести ответственность за свои поступки. Но при этом никто не собирался давать 12–14-летней молодежи право распоряжаться деньгами, имуществом и уж тем более собственной жизнью.

Но разве это характерная особенность только Средних веков? Сейчас у нас брачный возраст – 14 лет, возраст сексуального согласия – 16 лет (да, вот такая странная логика), а возраст полной уголовной ответственности и права голосовать – 18 лет.

В Средневековье было нечто похожее. Подростки работали так же, как взрослые (особенно в деревне), но в то же время не имели права наследовать и вступать во владение земельной собственностью – как минимум до 21 года, а кое-где и дольше, не имели права распоряжаться своим имуществом, не могли сами выбирать себе жен или мужей. По текстам завещаний очевидно, что на подростков смотрели как на неполноценных людей или просто опасались их молодости, горячности и неопытности; нередко состояние завещалось в управление опекунам, пока дети не достигнут 21–26 лет.

Юридическая самостоятельность молодого человека могла зависеть еще и от того, есть ли у него отец, или он уже сам является главой семьи. Например, в средневековой Флоренции сирота становился дееспособным и независимым в 18 лет, а юноша, у которого жив отец – только в 25 (а если раньше, то только с согласия родителя).

Зачем нужно жениться

«Не хочу учиться, хочу жениться», – говорил незабвенный сын жабы, и матушка выбрала ему в жены Дюймовочку. Сказка не средневековая, и вспомнила я ее только по аналогии. Если бы жаба с сыном жили в Средние века, выбор учиться или жениться даже не стоял бы. И то, и другое, причем обязательно! Но вот Дюймовочку сыну в жены средневековая жаба никогда бы не выбрала – потому что та не годится ни теоретически (с учетом церковных взглядов на брак), ни практически (с деловой и бытовой точки зрения). Почему? Все очень просто...

Зачем нужно жениться? Мнение первое – церковное

Как уже говорилось в предыдущих главах, церковь относилась к браку как к неизбежному злу и долго не могла смириться с тем, что даже самые верующие люди все никак не желают умирать девственными. Однако здравый смысл возобладал, и единый нерасторжимый брак был объявлен вполне достойным выбором истинно верующего человека.

Обосновали это отцы церкви со свойственной средневековым людям практичностью – если все будут хранить добродетель, род человеческий прервется, значит, сексуальные отношения позволительны, но только в браке. Самые практичные, о чем уже шла речь выше, добавляли еще, что поскольку человек слаб и не в силах отказаться от плотских удовольствий, брак – это еще и защита от блуда. Ибо «лучше вступить в брак, нежели разжигаться», как говорил Августин Блаженный.

Церковь провела четкую границу между супружеским сексом – полезным занятием по воспроизводству добрых христиан (что стало особенно актуально с началом исламской экспансии) – и остальными сексуальными отношениями, имеющими целью только удовольствие.

Правда, в период Раннего Средневековья церковь все еще старалась максимально ограничить сексуальные отношения даже между супругами. Секс (пусть и с благой целью зачатия детей) был запрещен в религиозные праздники (Пасху, Троицу, Рождество и т. д.), по воскресеньям, средам, пятницам и субботам, во время менструации, а также во время беременности и кормления. Если все это соблюдать, в среднем остается всего 5–6 дней в месяц. Но к Высокому Средневековью эти правила смягчились – руководства для исповедников начиная с XI–XII вв. уже не требуют запрещать супружеский долг в среду, пятницу и субботу, да и праздничных дней там становится меньше.

Мнение второе – практическое

Но каким бы весомым мнение церкви ни было, люди продолжали вступать в брак, пока церковь брак не одобряла. Священники никого не венчали, церковного брака не существовало, а люди женились. Гражданским способом – с одобрения государственных органов. Подробно на этом нет смысла останавливаться, книга все же посвящена не брачно-семейным отношениям, а форм регулирования брака в раннее Средневековье было столько, что об этом можно написать несколько томов. Для нас значим только сам факт – церковь брак не одобряла, но люди все равно женились.

Зачем? Во-первых, по той же причине, которая со временем дошла и до христианских мыслителей – чтобы рожать детей. А во-вторых, повторюсь, потому что это самая важная сторона брачного вопроса в Средневековье: брак всегда и везде выполнял еще одну очень важную функцию – он был сделкой. Причем для всех – от королей до крестьян. Заключая супружеский союз, люди объединяли состояния, подкрепляли договоры о дружбе и сотрудничестве, ну или хотя бы приобретали еще одного работоспособного члена своей маленькой семейной общины.

Была ли любовь?

Была ли любовь в Средние века?

Трубадуры и менестрели дружно утверждали, что да, их тексты полны любовного томления, сексуальности и высоких чувств, то есть всего спектра любовных переживаний и отношений. В средневековых романах влюбленные умирают ради любви, гибнут, не в силах преодолеть преступную любовь, как Тристан и Изольда или Ланселот и Гинебра, а иногда даже живут счастливо, пусть и недолго, как Лоэнгрин и Эльза или Ивейн и Лодина.

Любовь пропагандировала и церковь – как ни удивительным это может показаться многим современным людям. Религиозное ханжество, характерное для церкви Нового времени, для многих из нас выглядит гораздо привычнее – это результат воздействия современной массовой культуры. Между тем средневековая литература чаще ругала священников вовсе не за излишнее ханжество, а, наоборот, за излишнюю подверженность обычным мирским грехам.

Ну а что касается любви, то Милла Коскинен приводит в пример теолога второй половины двенадцатого века Томаса Чобемского, который писал: «в замужестве мужчина отдает свое тело женщине, а она ему – свое. Кроме души, ничто не может быть более драгоценно под этим небом». Проповедник-доминиканец Жерар де Майли говорил о том, что муж и жена должны разделять любовь, глубоко укоренившуюся в их сердцах (*intime vel interna cordium dilectione*), а Гуго Сен-Викторский, еще один теолог двенадцатого века, подчеркивал, что любовь (*dilectio*) между супругами лежит в основе супружеского таинства, которое является любовью душ.

Теория и практика любви

Но насколько все это соответствовало действительности? Может быть, поэмы трубадуров и рыцарские романы были так же далеки от реальности, как современные романтические сериалы? Да и высокие слова отцов церкви не очень-то вяжутся с реальностью и больше напоминают пропаганду и попытку выдать желаемое за действительное. Любовь декларируется как что-то важное и необходимое, но брак остается сделкой, и получается, что это уже обязанность самих молодоженов – выполнить свой долг добрых христиан и полюбить друг друга.

В жизни случалось по-разному. Как пишет Абрамсон («Семья в реальной жизни и системе ценностных ориентаций в южно-итальянском обществе X–XIII вв.»): «Отдельные, отличавшиеся от топоса и редко включенные в текст нотариальных грамот выражения – «любимейшая жена», «безмерная любовь», которую жена, по ее словам, питает к мужу, или желание быть похороненными в одной гробнице и т. п. – раскрывают любовь супругов. Выражения типа «по долгу супружеской любви» в нотариальных актах представляли собой клише. Подобные выражения означали нормативность требований, предъявляемых к отношениям между супругами: привязанность, верность, исполнение супружеских обязанностей».

Конечно, теперь не узнать, желали люди быть похороненными в одной гробнице из большой любви друг к другу, или просто уже заплатили за роскошное совместное надгробие, а слова о любви – лишь красивое прикрытие, соблюдение приличествующих в хорошем обществе норм. Но вряд ли кто-то усомнится в искренности Маргарет Пастон, писавшей мужу в письме: «Я умоляю тебя носить то кольцо с изображением св. Маргариты, которое я послала на память, пока ты не вернешься домой. Ты же оставил мне такую память, которая заставляет меня думать о тебе и день, и ночь, и даже во сне».

Голова и сердце

Как пишет Татьяна Мосолкина в книге «Социальная история Англии XIV–XVII вв.», «к браку в городской среде относились очень серьезно и чисто утилитарно – как к способу увеличить состояние, повысить социальный статус, продолжить род...» Но она признает, что для полноценного исследования историкам не хватает источников, а имеющиеся дают разноплановую картину. «Несомненно, материальные вопросы при заключении брака для английских горожан были очень важны. И мнение родителей, безусловно, имело большое значение. Но и чувства молодых людей играли не последнюю роль. Примером могут служить браки в семье лондонских купцов Сели. Средний брат пишет младшему брату Джорджу о предполагаемой невесте для него: «Она интересная молодая женщина: красивая, с хорошей фигурой, серьезная <...> Дай Бог, чтобы это отложилось в твоей голове и затронуло сердце». Сам Ричард некоторое время спустя тоже решил жениться. Причем сначала он несколько раз встретился с девушкой (конечно, не наедине), чтобы выяснить, понравится ли она ему, и, что интересно, понравится ли он ей. И лишь потом он решил встретиться с ее отцом и узнать, подойдет ли он в качестве жениха, поскольку отец девушки был богатейшим человеком в Котсволде».

В тех случаях, когда сохранилась личная переписка, вопросов о том, были ли какие-то чувства между мужьями и женами, родителями и детьми, братьями и сестрами, даже не возникает. Например, письмо жены Джорджа Сели: «Достопочтенный и милостивый сэр, я обращаюсь к Вам со всем почтением, с каким супруга должна обращаться к супругу, и со всей сердечностью, на какую способна, всегда желая Вам процветания, да хранит Вас Иисус. И если сочтете возможным написать мне о ваших делах, я буду очень рада. Прошу Вас, сэр, не беспокоиться, все ваши товары, слава Богу, в безопасности. И как только Вы сможете завершить ваши дела, прошу Вас поторопиться домой». Неизвестно, почему они поженились – по любви ли, из расчета или по воле родителей, но даже если поначалу чувств не было, они, несомненно, пришли потом.

Еще один пример из жизни городской верхушки, то есть людей деловых, богатых и влиятельных: мэр Бристоля и один из его самых богатых граждан, Уильям Кэнинджес, «похоронив жену и исполнив все свои обязанности по отношению к городу (он в пятый раз был мэром Бристоля), ушел в монастырь. Считают, что попытка короля Эдуарда IV найти ему новую жену заставила его оставить свет и принять духовный сан».

Из письма английского торговца шерстью Томаса Бетсона Катерине Рич, написанного 1 июня 1476 года.

Моя дорогая, горячо любимая кузина Катерина, кланяюсь тебе со всем жаром своего сердца. Теперь ты поняла, что я получил посланный тобой подарок, и я испытывал и испытываю истинное удовольствие от него и принял его с радостью; и еще я получил письмо от Холейна, твоего доброго слуги, из которого я понял, что ты находишься в добром здравии и сердце у тебя исполнено счастья. И я горячо молю Бога, чтобы все продолжалось так и дальше, ибо для меня было большим утешением узнать, что он будет беречь тебя, так что помоги мне Иисус. И если ты всегда будешь есть мясо, ты начнешь поправляться и будешь быстро расти и превратишься во взрослую

женщину, что сделает меня счастливейшим человеком в мире, даю тебе честное слово...

Я не буду ничего тебе больше обещать, поскольку по возвращении домой я расскажу тебе гораздо больше о том, что между тобой, мной и Господом. И если ты, как настоящая женщина, любящая меня, будешь вспоминать обо мне и хвалить меня всякими разными способами, позволяя мне со всем благоразумием в то же самое время отклонять от себя эти похвалы, как мне больше всего нравится, ради твоего утешения, моя милая кузина, ты поймешь, что с добрым сердцем и доброй волей я приму только половину этих похвал и сохраню их в своей душе; а другую половину с нежной любовью и радостью отошлю тебе, моя милая кузина, чтобы опять же поддержать тебя; и вдобавок я пошлю тебе благословение, которое Богородица дала своему дорогому Сыну. Молю тебя, чтобы ты радостно приветствовала моего коня и попросила его отдать тебе четыре своих года, чтобы ты поскорее выросла; а я, вернувшись домой, отдам ему четыре своих года и четыре лошадиные буханки хлеба в благодарность. Скажи ему, что я молю его об этом. И, кузина Катерина, я благодарю тебя за него, ибо ты очень заботишься о нем, как мне сказали...

И я надеюсь, что ты будешь молиться обо мне; а я буду молиться о тебе и, быть может, не так хорошо, как ты. И Всемогущий Иисус сделает тебя доброй женщиной и дарует многие лета и долгую здоровую, добродетельную жизнь, себе на радость. В большом Кале, с этой стороны пролива, в первый день июня, когда все ушли обедать, а часы пробили девять, и все кричат и зовут меня: „Спускайся, спускайся сейчас же обедать!“ – и какой ответ я им дам, ты давно уже знаешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.